

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

*Похищенная
невеста*

Их губы сомкнулись

в огненном поцелуе, безумное пламя страсти

охватило обоих, и Кристина улыбнулась,

твердо зная, что их любовь никогда не умрет

Джоанна Линдсей
Похищенная невеста

«АСТ»

1977

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

Линдсей Д.

Похищенная невеста / Д. Линдсей — «АСТ», 1977

ISBN 978-5-17-096877-0

Прекрасная и гордая Кристина Уэйкфилд не подозревала, что своим отказом больно ранила Филипа Кэкстона. Он поклялся завладеть девушкой, чего бы это ему ни стоило. В далекой пустыне, под бриллиантовыми звездами, родилась вечная любовь.

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

ISBN 978-5-17-096877-0

© Линдсей Д., 1977

© АСТ, 1977

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	32
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джоанна Линдсей

Похищенная невеста

Johanna Lindsey
CAPTIVE BRIDE

Печатается с разрешения издательства AVON BOOKS, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Johanna Lindsey, 1977

© Перевод. Т.А. Перцева, 1995

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2009

Глава 1

Этот день, один из дней ранней весны 1883 года, выдался на удивление теплым и ясным. Легкий ветерок играл в ветвях огромных старых дубов, возвышавшихся по обе стороны длинной подъездной аллеи, ведущей в Уэйкфилд-Мэнор. Два красивых белых коня, впряженных в открытый экипаж, тяжело дыша, стояли перед большим двухэтажным особняком.

А в это время хозяин упряжки Томми Хантингтон раздраженно мерил шагами просторную гостиную, обставленную мебелью, обитой золотой парчой, с нетерпением дожидаясь, пока Кристина Уэйкфилд соизволит спуститься. Томми примчался сюда, как только принял окончательное решение относительно Кристины, но теперь неожиданно разнервничался.

Черт возьми, раньше она никогда не заставляла его ждать так долго! Заставив себя немного успокоиться, Томми посмотрел в окно, выходящее на огромное поместье Уэйкфилдов. Во всяком случае, так было, пока она не начала носить длинные платья и укладывать волосы в прическу. Теперь же каждый раз, когда он приезжает, чтобы увидеть ее, приходится торчать в гостиной не менее получаса, прежде чем она наконец решит появиться.

Томми уже почти решил отказаться от задуманного, когда мягкие ручки закрыли ему глаза и молодой человек, трепеща, почувствовал, как к его спине прижимается упругая грудь Кристины.

– Угадай, кто? – лукаво пропел звонкий голосок.

О Боже, как бы ему хотелось, чтобы она перестала проделывать подобные штучки! Все это было в порядке вещей в детстве, когда они играли среди деревьев или в этой гостиной, но в последнее время близость девушки заставляла Томми сходить с ума от желания.

Резко повернувшись, он, как всегда, застыл, околдованный ее ослепительной красотой. На Кристине сегодня было облегающее платье из темно-синего бархата, а золотистые волосы обрамляли лицо бесчисленными локонами.

– Пожалуйста, не смотри так, Томми! Последнее время ты вечно глазеешь на меня, а я из-за этого нервничаю! Можно подумать, у меня нос грязный или платье порвано!

– Извини, Крисси, – пролепетал он. – Просто ты настолько изменилась с прошлого года, что я ничего не могу с собой поделать. Как ты прекрасна!

– Как, Томми Хантингтон, ты хочешь сказать, что раньше я была уродиной? – подначила Кристина, притворяясь оскорбленной.

– Конечно, нет. Ты знаешь, о чем я.

– Хорошо, ты прощен, – рассмеялась девушка и, подойдя к обитому золотистой парчой дивану, грациозно опустилась на него. – А теперь объясни, почему ты явился так рано. Я ожидала тебя только к обеду, а ты уже здесь, и Джонси сказала, что ты ворвался в дом словно безумный.

Томми мучительно пытался найти нужные слова, поскольку не сообразил приготовить речь заранее. Ну что ж, лучше все-таки признаться, пока он не успел окончательно потерять мужество.

– Крисси, я не хочу, чтобы ты ехала в Лондон этим летом. Твой брат через пару месяцев будет дома, и я собираюсь просить у него твоей руки. Потом, после свадьбы, если ты по-прежнему захочешь увидеть Лондон, я сам отвезу тебя.

Кристина ошеломленно уставилась на юношу.

– Ты слишком многое принимаешь как должное, Томми, – резко бросила она, но тут же взяла себя в руки, заметив отчаянный взгляд и горестную гримасу на почти мальчишеском лице. Что ни говори, а она всегда знала, что этот день настанет! – Прости, что накричала на тебя. Знаю, наши семьи всегда считали нас идеальной парой, и когда-нибудь мы, возможно, поженимся, но не сейчас. Тебе только что исполнилось восемнадцать, а мне – семнадцать. Мы

еще слишком молоды, чтобы венчаться. Я росла в таком уединении, и хотя люблю свой дом, все же мечтаю встретиться с новыми людьми, увидеть Лондон, немного побыть в обществе, ездить на балы и праздники. Неужели не понимаешь? – Она осеклась. Не стоит причинять Томми лишнюю боль. – Я люблю тебя, Томми, но не так, как тебе этого хотелось бы. Ты всегда был моим лучшим другом, и я люблю тебя как брата.

Молодой человек терпеливо молчал, хорошо зная, как упряма и своевольна бывает Кристина, но ее слова тем не менее жестоко ранили его.

– Черт побери, Крисси, я не хочу быть твоим братом! Я люблю тебя! И хочу, как мужчина хочет женщину! – Томми подошел к девушке и, взяв ее за руки, притянул к себе. – Я хочу тебя больше, чем что бы то ни было на свете. Ни о чем другом не могу думать, кроме как о минуте, когда смогу обнять тебя, положить на постель, любить... Это стало навязчивой идеей, одержимостью, и я...

– Прекрати, Томми! Ты несешь чушь! Я не желаю больше слушать!

Кристина отодвинулась от него, а минуту спустя в комнате появилась Джонси, ее старая нянюшка, с чайным подносом в руках, и Томми больше не смог найти времени, чтобы серьезно поговорить с девушкой.

После долгой прогулки верхом, значительно смягчившей напряжение, они очень весело пообедали вдвоем, и поскольку Кристина вновь стала прежней, оживленной и беззаботной, Томми тактично решил не упоминать больше о любви, по крайней мере сегодня.

Поздней ночью, лежа без сна на широкой постели, он, как всегда, думал о Кристине, и вновь ужасное предчувствие охватило его. Сам не зная почему, юноша ощутил твердую уверенность, что, если Кристина отправится в Лондон, как и намеревалась, эта поездка изменит всю ее жизнь и разрушит его счастье. Но он был бессилён остановить ее. И ничего, ничего не мог сделать.

Глава 2

Тысячи сверкающих звезд переливались на синем бархате неба. Теплый ветерок нежно шелестел в ветвях и вершинах деревьев, огромная круглая рыжеватая луна освещала дорогу. Покой и мир сельской местности нарушал лишь грохот колес экипажа Уэйкфилдов, катившегося по пустой пыльной дороге.

Джон Уэйкфилд, откинувшись на мягкие подушки сиденья, задумчиво разглядывал собственное отражение в окне. Одинокая свеча, горевшая в подсвечнике, бросала тусклые отблески на темно-синюю бархатную обивку экипажа.

Он надеялся, что хорошо проведет время в городе, как, впрочем, и Крисси! Поездка наверняка должна стать удачной.

Джон, обернувшись, взглянул на сестру, безмятежно спавшую на противоположном сиденье.

Кристина Уэйкфилд превратилась из озорного подростка-сорванца в ослепительно прекрасную женщину всего за один короткий год, который Джон пробыл вдали от дома. Он был потрясен, увидев, насколько она выросла, и все еще не мог привыкнуть к этой невероятной перемене. Фигура, округлившись, приобрела идеальные формы, а лицо... Боже, да Джон с трудом узнал ее!

Он и сейчас изучал это прелестное лицо, пока девушка сладко дремала. Темные густые ресницы, ставшие, казалось, еще длиннее, веерами лежали на высоких скулах. Прямой узкий носик и округлый подбородок обрели более четкие очертания сейчас, когда они утратили детскую пухлость. Джон прекрасно понимал, что ему придется немало потрудиться, чтобы держать в узде обожателей, которые наверняка начнут осаждать Кристину, стоит ей только появиться в обществе.

Крисси мечтала о поездке в Лондон как о подарке к своему восемнадцатилетию, и Джон не видел причин отказывать ей в этом. Кажется, Кристина Уэйкфилд способна всегда добиться того, чего хочет! Ну что ж, он не возражал. Джону нравилось во всем потакать сестре – больше у него никого не осталось.

Он ясно вспомнил тот роковой день четыре года назад, когда Джонатана Уэйкфилда случайно застрелили на охоте. Именно Джону выпало сообщить Кристине о смерти отца, а мать... мать так и не смогла пережить гибели мужа и три недели спустя скончалась от разбитого сердца – так сказал доктор. Но Джон, борясь со скорбью и печалью, все же сумел помочь Крисси и облегчить страдания сестры. Крисси большую часть времени проводила, носясь по окрестным полям на вороном скакуне. Джон готов был закрыть глаза на выходки сестры, поскольку за три месяца до смерти родителей она призналась ему, что забывает все беды, если летит вперед словно ветер, ни о чем не заботясь.

Джон тогда хотел было посмеяться над ней – какие беды могут быть в таком возрасте! Но скоро, слишком скоро ему пришлось усвоить, что несчастья могут обрушиться на человека в любую минуту. Езда верхом помогала Крисси забыть тоску, и девушка пришла в себя гораздо скорее, чем могла бы, после столь внезапной потери родителей.

Джону пришлось стать для сестры всем, но он не смог бы воспитать Кристину один, без помощи миссис Джонсон – Джонси, как они ее звали. Джонси вынянчила сначала Джона, потом Кристину, а теперь, став экономкой, правила домом и слугами, следила за порядком и чистотой, журила кухарку. Джон до сих пор видел перед собой Джонси, грозившую ему пальцем перед самым отъездом в Лондон: в ее широко раскрытых карих глазах светились тревога и беспокойство.

– Смотри, Джонни, не спускай глаз с девочки! – напоминала она ему уже в третий раз. – Не позволяй ей влюбиться в кого-нибудь из этих лондонских дворянчиков. Не по душе мне эти

хлыщи с их изящными манерами да вечно задранными носами, так что не вздумай привезти такого домой!

Садясь в экипаж, Крисси смеялась и подшучивала над Джонси:

– Ах, Джонси, постыдись! Ну зачем мне влюбляться в какого-то лондонского денди, когда у меня есть Томми, который будет дожидаться моего возвращения!

Крисси послала воздушный поцелуй Томми Хантингтону, приехавшему, чтобы их провозить. Тот в притворном смущении опустил голову, но Джон сразу заметил, что молодой человек отнюдь не радовался предстоящему путешествию Крисси.

Томми жил с отцом, лордом Хантингтоном, в соседнем поместье, и поскольку поблизости не было других девушек в возрасте Кристины, она и Томми были неразлучны с самого детства. Джон и лорд Хантингтон всегда надеялись, что они когда-нибудь поженятся. Но Томми с его светло-каштановыми вихрами и блестящими карими глазами был всего на полгода старше Крисси и выглядел в глазах Джона совсем мальчишкой. Джон надеялся, что Томми повзрослеет так же быстро, как сестра, но... возможно, она все-таки решит дождаться этого, если, конечно, любит Томми. Правда, кто может понять женщину? Сам Джон не мог разобраться в чувствах Крисси к Томми – испытывает она к нему лишь дружеское расположение или нечто большее? Нужно не забыть спросить ее об этом, хотя Кристина, вероятно, будет так занята следующие несколько недель, что подобной возможности ему не представится.

Джон улыбнулся, представив изумленные лица молодых людей, которые начнут ухиваться около Крисси, как только обнаружат, что она не только прекрасна, но и умна.

Вспомнив жаркий спор, едва ли не ссору, между родителями относительно образования Крисси, Джон невольно хмыкнул. Но в конце концов мать с отцом пришли к соглашению и Крисси получила такое же образование, какое получали мальчики из хороших семей, но в дополнение ее учили еще и женским искусствам: шитью и кулинарии – правда, лишь тогда, когда мать могла отыскать ее.

Да, Крисси получила образование и выросла настоящей красавицей, но и у нее полно недостатков. От матери она унаследовала невыносимое упрямство, заставлявшее ее стоять на своем до последнего, если она чувствовала свою правоту. Кроме того, Кристина отличалась вспыльчивостью и могла выйти из себя из-за малейшего пустяка.

Джон вздохнул, представив, какими суматошными и утомительными будут предстоящие две недели, и наконец задремал, пока экипаж продолжал катиться к Лондону по пустынной дороге.

Кристина и Джон Уэйкфилд все еще спали, когда карета остановилась перед двухэтажным домом на Портленд-стрит. Солнце едва показалось над горизонтом, превращая небо из розового в нежно-голубое, птицы весело пели.

Кристина проснулась, когда кучер открыл дверцу экипажа.

– Приехали, мисс Кристина, – извиняющимся тоном объявил он и спустился, чтобы снять вещи, привязанные к задку кареты.

Кристина села, пригладила волосы, рассыпавшиеся по плечам длинными прядями, одернула платье и поглядела на Джона, все еще мирно спавшего на противоположном сиденье; мягкие белокурые локоны закрывали его высокий лоб.

Кристина осторожно подергала его за ногу:

– Джон, мы уже в Лондоне! Проснись! – Брат медленно открыл темно-синие глаза, улыбнувшись, провел рукой по волосам и тоже сел. Кристина заметила, что глаза у него совсем красные – должно быть, долго не мог уснуть прошлой ночью. Она сама удивлялась, что спала так беспробудно. – Ну же, Джон! Ты же знаешь, как я волнуюсь! – умоляюще прошептала она.

– Потихе, потихе, юная леди, – засмеялся он, потягиваясь. – Йетсы скорее всего еще спят.

– Но я могу разобрать вещи и устроиться, а потом провести целый день, ездя по магазинам. Ты ведь сам сказал, что мне необходим новый гардероб! Когда еще покупать платья, если не в мой первый день в Лондоне? – весело спросила Кристина, спрыгнув на землю.

– Разве преподаватель этикета ничему тебя не научил, Крисси? – с упреком сказал Джон, покачивая головой при виде такого непростительного нарушения приличий. – Знаю, ты взволнованна, но в следующий раз подожди, пока я помогу тебе спуститься.

Они поднялись по ступенькам к огромным двойным дверям, и Джон громко постучал.

– Наверняка никто еще и не думал вставать, – заметил он и снова поднял дверной молоток. К удивлению брата и сестры, двери широко распахнулись. На пороге стояла улыбающаяся кругленькая женщина с румяным лицом и седеющими волосами.

– Вы, должно быть, Кристина и Джон Уэйкфилд. Входите, входите! Мы вас ждали!

Они оказались в маленьком холле, устланном восточным ковром. В другом конце холла виднелась лестница. У стены стоял столик из красного дерева, ломившийся от множества миниатюрных фарфоровых статуэток.

– Я миссис Дуглас, домоправительница. Вы, наверное, устали после такого путешествия. Не хотите немного отдохнуть, прежде чем начать новый день? Мистер и миссис Йетс еще в постели, – жизнерадостно объявила она, провожая их наверх.

– Джон, возможно, хотел бы немного поспать, а мне нужны лишь горячая ванна и, если можно, какой-нибудь завтрак, если, конечно, это не слишком затруднительно, – попросила Кристина, когда они добрались до верхней площадки.

– Конечно, мисс, сейчас же, – пообещала миссис Дуглас и, показав их комнаты, поспешно удалилась. Кучер принес вещи и пошел распрягать лошадей. Джон, извинившись, сказал, что отправляется спать, после чего в дверях появилась служанка с водой для ванны Кристины.

– Я Мэри, горничная, работаю на втором этаже, – застенчиво пробормотала она, вытаскивая большую ванну и опрокидывая туда ведра. – Если что понадобится, мисс, вы меня только кликните.

– Спасибо, Мэри.

Кристина оглядела комнату, довольно маленькую по сравнению с ее спальней дома, но красиво обставленную. Пол был устлан роскошным золотистым ковром, по одну сторону от кровати с пологом из золотой парчи стоял умывальник с мраморным верхом, по другую – резной комод. В углу, у единственного окна со светло-зелеными бархатными портьерами, расположился диванчик с зеленой бархатной обивкой, к противоположной стене было прислонено зеркало в позолоченной раме.

Мэри закончила складывать привезенные Кристиной вещи как раз в тот момент, когда горничные принесли еще воды, и девушку наконец оставили одну. Заколов волосы, она разделась, опустила в ванну, откинулась назад и расслабилась.

Сколько Кристина себя помнила, она мечтала об этой поездке. Ее всегда считали слишком юной, а в прошлом году, когда ей исполнилось шестнадцать, Джона отозвали в полк. Он вернулся домой лейтенантом армии ее величества и теперь ожидал дальнейшего назначения.

Всю свою жизнь Кристина прожила в Уэйкфилд-Мэнор. Ей выпало на долю счастливое детство в сельской местности, где она резвилась и шалила как мальчишка-сорванец и из-за этого частенько попадала в переplet. Она вспомнила, как они с Томми прятались на чердаке в конюшне Хантингтонов, подслушивая старого Питера, старшего конюха, имевшего привычку цветисто ругаться и разговаривать с самим собой и лошадьми. Именно от старика Кристина научилась некоторым совершенно не подобавшим леди выражениям, большинство из которых она, правда, не понимала. Но однажды отец Томми обнаружил их укрытие. В тот день их обоих здорово отругали, и Кристине еще долго не разрешали и близко подходить к конюшням Хантингтонов.

Кристина давно уже перестала быть той озорницей, какой была когда-то. Теперь она носила платья вместо бриджей, которые сшила ей Джонси, потому что девочка вечно пачкалась и рвала одежду. Теперь Кристина стала леди, и это ей очень нравилось.

Вымывшись, девушка переделалась в простое полотняное летнее платье с цветочным узором. Кристина знала, что оно уже вышло из моды, но она собиралась проехаться по магазинам, и ей хотелось чувствовать себя удобно. Потом она причесала свои длинные золотистые волосы и заколола их на затылке так, что масса завитков и локонов обрамляла лицо. Выбрав шляпку для предстоящей поездки, девушка спустилась вниз и отыскала столовую, в которую вела одна из дверей холла. Джон уже сидел за столом вместе с Говардом и Кэтрин Йетс. До Кристины донесся аппетитный запах ветчины и пирожков с яблоками. Кроме того, она заметила яичницу и блюдо с горячей сдобой.

– Кристина, дорогая, не могу выразить, как я рада видеть тебя! – Добрые серые глаза Кэтрин улыбались. – Мы как раз говорили Джону о вечерах и приемах, на которые приглашены, и кроме того, до вашего отъезда состоится великолепный бал, на котором вы непременно будете!

– Сегодня мы все едем на званый ужин к друзьям, – вмешался Говард. – Но не волнуйтесь, там будет много молодежи.

Он весело рассмеялся. Говарду и Кэтрин Йетс было уже около пятидесяти, но эти жизнерадостные и дружелюбные люди любили вращаться в обществе, и приятелей у них было хоть отбавляй. Оба были давними друзьями семьи Уэйкфилдов, и брат с сестрой знали их с самого детства.

– Мне не терпится увидеть город! – с энтузиазмом воскликнула Кристина, накладывая себе понемногу с каждого блюда. – Хочу отправиться за покупками и заказать себе гардероб! Надеюсь, вы присоединитесь ко мне, Кэтрин?

– Конечно, дорогая. Мы поедem на Бонд-стрит. Это как раз за углом, и лавки там на каждом шагу!

– Я, пожалуй, тоже поеду, поскольку все равно не усну. Мне тоже надо кое-что купить, – заметил Джон. Он вовсе не собирался отпустить Крисси, пусть даже и с Кэтрин Йетс – слишком опасны были улицы Лондона.

Джон по-прежнему выглядит усталым, но, возможно, он так же взволнован, как и она, подумала Кристина. Горничная наполнила ее чашку дымящимся чаем, пока она торопливо поела яичницу с ветчиной.

– Через минуту буду готова, – пообещала она, заметив, что все уже кончают завтракать.

– Не торопись, детка, – ответил Говард с веселой улыбкой на краснощеком лице. – Времени у тебя сколько угодно.

– Говард прав, Крисси. Не ешь так быстро, – покачал головой Джон. – Живот заболит, и тогда вообще никуда не поедешь!

Все рассмеялись, но Кристина продолжала поспешно глотать, почти не жуя. Ей хотелось поскорее отправиться в путь. Она не предполагала, что придется ехать на званый ужин в первый же вечер пребывания в Лондоне, и поэтому захватила с собой всего одно вечернее платье, сшитое для последнего бала в доме лорда Хантингтона.

Они провели все утро и часть дня, переходя из одной лавки в другую, и нашли даже пару магазинчиков, в которых продавалась готовая одежда, но Кристина смогла найти всего лишь три уличных платья по своему вкусу, со шляпками и туфельками в тон. Однако бальных нарядов она так и не купила, поэтому пришлось поехать к модистке и потратить все оставшееся время на снятие мерок и выбор тканей и отделки. Кристина заказала три вечерних платья и еще два – для улицы, с соответствующими аксессуарами. Портниха сказала, что все будет готово не раньше чем через четыре дня, но начнет она с бальных платьев, чтобы Кристина

могла получить их как можно раньше. Наконец они вернулись домой и после легкого обеда отправились немного вздремнуть.

В этот вечер появление Кристины и Джона Уэйкфилд вызвало много толков. Они были прекрасной парой – оба светловолосые, на редкость красивые. Кристина чувствовала себя немного не в своей тарелке – лишь она одна была в темно-фиолетовом платье, остальные дамы надели наряды светлых пастельных тонов. Она успокоилась лишь тогда, когда Джон шепнул ей:

– Ты затмила их всех, Крисси!

Хозяева поспешили познакомить их с другими гостями, и Кристина прекрасно провела остаток вечера. Женщины откровенно заигрывали с Джоном, и это немного шокировало ее, но еще больше девушку потрясли обращенные на нее взгляды мужчин, которые словно раздевали ее глазами. Кристина поняла, что еще многого не знает о здешних нравах и людях.

Ужин был сервирован в большой столовой, и Кристину посадили между двумя молодыми джентльменами, не перестававшими осыпать ее знаками внимания. Джентльмен слева, мистер Питер Браун, отличался раздражающей привычкой брать ее за руку во время разговора. Сидевший справа сэр Чарлз Баттлер ни на мгновение не сводил с нее ясных голубых глаз. Оба старались, как могли, понравиться девушке, и каждый из кожи вон лез, чтобы взять верх над соперником.

После того как все встали из-за стола, женщины удалились в гостиную, а мужчины остались пить бренди и курить сигары. Кристина предпочла бы тоже остаться и поговорить о политической обстановке в Англии и в мире, но вместо этого ей пришлось выслушивать все последние сплетни о незнакомых ей людях.

– Знаете, дорогая, этот человек оскорбляет каждую хорошенькую девушку, которую его брат, Пол Кэкстон, представляет ему. Это просто кошмар, как упорно он избегает их! – услышала Кристина слова какой-то вдовы, обращенные к приятельнице.

– Он и впрямь, кажется, не очень интересуется женщинами. Даже не танцует! Не думаете ли вы, что он... э-э-э странный... то есть из тех мужчин, которым женщины не нужны? – ответила та.

– О нет, для этого у него слишком мужественный вид! Любая девушка на выданье в этом городе много бы отдала, чтобы заполучить его, как бы дурно он с ней ни обращался!

Кристине на миг захотелось узнать, о ком они говорят, но этот слабый интерес тут же угас. Какое ей дело!

Все эти бессмысленные разговоры так ей надоели, что Кристина облегченно вздохнула, когда ей и Джону наконец удалось уехать. Усаживаясь в карету, Джон лукаво рассмеялся:

– Знаешь, Крисси, трое твоих обожателей по очереди отвели меня в уголок, чтобы спросить, могут ли они нанести тебе визит.

– В самом деле, Джон? – зевнула она. – И что же ты ответил?

– Сказал, что ты чрезвычайно разборчива и что ты и двух пенсов не дашь за дюжину таких, как они.

Глаза Кристины широко раскрылись.

– Джон! Что ты наделал! Я в жизни не смогу больше показаться в обществе!

Говард Йетс разразился хохотом:

– Сегодня ты очень доверчива, Кристина! Куда подевалось твое чувство юмора?

– По правде говоря, я объяснил им, что не могу указывать тебе, с кем видаться. И только от тебя зависит, кого принимать, а кого нет, – спокойно сказал Джон, когда они остановились у дома Йетсов.

– Знаешь... я, право, совсем не думала об этом. Не знаю даже, что говорить и как себя вести с визитерами. Из мужчин ко мне никто не приезжал с визитами, кроме Томми, а он мне как брат, – серьезно ответила Кристина.

– Все это придет само собой, моя дорогая, – с видом знатока заметила Кэтрин. – Не стоит беспокоиться о подобных пустяках.

Дни летели быстро, заполненные приемами, собраниями и зваными ужинами. Питер Браун, бывший ее соседом по столу в первый лондонский вечер, объявил, что влюбился в нее без памяти с первого взгляда, и преследовал ее постоянными признаниями. Он даже просил у брата ее руки.

– Питер Браун сделал мне предложение вчера, а сэр Чарлз Баттлер – сегодня, в парке, во время прогулки верхом. Эти лондонские мужчины так нетерпеливы и порывисты, ты не находишь? Ну что ж, отныне я отказываюсь их принимать. Забавно, почему они считают, будто каждая девушка, приезжающая в Лондон, непременно ищет себе мужа? Подумать только, признаваться в любви, когда они едва меня знают... Какая чушь! – запальчиво объявила Кристина брату, которого весьма позабавило ее возмущение.

Сегодня должен был состояться первый бал Кристины. Она с нетерпением ожидала его еще с прошлого месяца, когда упростила мужа Джонси научить ее танцевать. Для этой ночи она приберегла свой лучший наряд и радовалась, как ребенок, получивший новую игрушку. Пока лондонский сезон совсем не походил на то, о чем она мечтала. Но сегодня все будет по-другому! И Кристина надеялась, что Питер и сэр Чарлз тоже приедут на бал, ибо была преисполнена решимости игнорировать их.

Глава 3

Пол Кэкстон сидел в своем кабинете, мрачно смотрел в окно. Мысли о его старшем брате, Филипе, не давали ему покоя. Просто невозможно понять его! Во всяком случае, Полу никогда это не удавалось. Филип с самого детства был молчаливым, скрытным, необщительным, а несколько последних лет, прожитых с отцом, отнюдь не улучшили его характер.

С самого возвращения в Лондон, год назад, Филип не находил себе места. Тогда ему пришлось приехать на свадьбу Пола, и тот уговорил брата остаться в Англии, надеясь, что Филип тоже найдет себе жену, остепенится, заведет детей. Но Филип, прожив столько времени в пустыне, с отцом, сам стал варваром. Пол и его жена Мэри постарались познакомить его со многими молодыми незамужними дамами, но Филип не выказывал им всем ничего, кроме презрения.

Пол просто не представлял, что это нашло на брата. Он мог быть вежливым и любезным, если хотел, ведь с Мэри он обращался с величайшим уважением. Но Филипу было совершенно наплевать, что подумает о нем светское общество. Он решительно отказывался вести себя, как подобает джентльмену, приводя Пола своим поведением в величайшее смущение, не говоря уже о постоянном чувстве стыда за брата.

Прошлой ночью Филип снова появился в городе после месячного пребывания в загородном поместье. И несмотря на свое завидное самообладание, мгновенно впал в ярость, едва Пол упомянул о завтрашнем бале.

– Если ты собираешься снова навязывать мне своих нахальных светских барышень, я клянусь, что навсегда уеду из Лондона! – бушевал он. – Сколько раз говорить тебе, Пол, не нужна мне жена! Я не желаю, чтобы у меня под ногами путалась какая-то надоедливая особа в своих необъятных юбках, в которых в дверь не пролезешь, и постоянно приставала ко мне, не давая свободно вздохнуть! У меня и без того достаточно дел. – Филип разъяренно метался по комнате. – Если я хочу женщину, я беру ее, но лишь на ночь-другую, ради наслаждения, без всяких условий. Не желаю никаких обязательств и связей! Черт возьми, когда ты это усвоишь?!

– А что, если ты когда-нибудь влюбишься, как влюбился я? Тогда ты женишься? – спокойно осведомился Пол, зная, что от брата больше шума, чем вреда, и хотя он громко лает, но не кусается.

– Если такой день настанет, конечно, женюсь. Только не очень надейся на это, младший братец. Я уже видел все, чем может похвастаться этот гнусный город. Так что будь уверен: такой день никогда не настанет!

«Ну что ж, возможно, Филипа ждет сюрприз на сегодняшнем балу», – с улыбкой подумал Пол и, вскочив с кресла, помчался наверх, перепрыгивая сразу через три ступеньки. Настроение у него было самое превосходное, когда он громко постучал в дверь спальни брата и заглянул внутрь. Филип сидел на постели, сонно протирая глаза.

– Пора одеваться, старина, – лукаво объявил Пол. – И постарайся выглядеть сегодня как можно представительнее. Ты ведь желаешь очаровать всех дам, не так ли?

И быстро захлопнул дверь, едва увернувшись от брошенной в лицо подушки. Неудержимо смеясь, он проследовал через холл в собственную комнату.

– Чему ты так радуешься, Пол? – спросила Мэри, когда муж, все еще улыбаясь, появился перед ней.

– Думаю, Филип сегодня потерпит сокрушительное поражение, хотя сам он об этом и не подозревает, – ответил Пол.

– О чем это ты толкуешь? – удивилась жена.

– Ни о чем, душечка, совершенно ни о чем! – воскликнул Пол и, подхватив Мэри, радостно закурил ее по комнате.

Филип Кэкстон был вне себя от раздражения. Только вчера он спорил с братом насчет женщин и женитьбы, и вот теперь Полу снова не терпится!

– Взгляни, сколько красавиц собралось в этом зале! – объявил он, озорно блестя зелеными глазами. – Пора бы тебе осесть и дать наследника роду Кэкстонов!

Право же, Пол заходит слишком далеко. Интересно, что за игру он затеял?

– Ожидаешь, чтобы я выбрал жену среди этих пустоголовых девиц? – язвительно поинтересовался Филип. – Да я ни одну из них не подумал бы даже пригласить к себе в спальню!

– Почему ты не танцуешь, Филип? – поинтересовалась подошедшая Мэри. – Стыдись, Пол, это он из-за тебя стоит у стены! Столько хорошеньких юных девушек, а он один!

Филипа всегда забавляло, когда Мэри называла своих ровесниц юными девушками. Самой ей исполнилось всего лишь восемнадцать. Пол женился на этой красавице с огромными кошачьими глазами и светло-каштановыми волосами только в прошлом году.

– Когда я найду деву столь же прекрасную, как ты, дорогая, – поддразнил Филип, – я с удовольствием провальсирую с ней всю ночь.

И тут он заметил Кристину, стоявшую всего в трех футах от него. Какое волшебное видение! Филип и представить себе не мог, что женщина может быть такой прекрасной.

Она мельком взглянула на него и отвернулась. Поздно! Ее образ навсегда запечатлелся в его душе. Особенно поразили его ее глаза – темно-синие ободки цвета морских глубин окружали светлые голубовато-зеленые озера. Ее голову венчала переливающаяся золотистая масса кудрей, несколько ниспадающих локонов свободно вились по шее и вискам. Нос у нее был прямой и тонкий, губы – мягкие, манящие, словно созданные для поцелуев.

На девушке был атласный сапфирово-синий бальный наряд. В глубоком вырезе виднелись нежные округлости груди, светло-синие ленты подчеркивали тонкую талию. Она казалась самым совершенством.

Но тут Пол прервал это восторженное созерцание, энергично помахав рукой перед его глазами. Брат широко улыбался.

– Ты, кажется, потерял голову, братец? – рассмеялся Пол. – Или это мисс Уэйкфилд так на тебя подействовала? Теперь ты понял, почему я настаивал на твоём присутствии сегодня? Она живет с братом в Холстеде и приехала в Лондон, чтобы провести здесь светский сезон. Ну как, познакомить тебя с ней?

– Ты еще спрашиваешь? – улыбнулся Филип.

Кристина заметила незнакомца, бесцеремонно глазевшего на нее. Она уже успела услышать, как грубо он оскорбил всех дам в бальном зале. Возможно, это именно тот субъект, чьи плохие манеры стали притчей во языцех в лондонском обществе.

Заметив, что он направляется к ней, Кристина отвернулась. Хотя она была вынуждена признать, что более красивого мужчины ей еще не приходилось видеть, она напонила себе, что ее жизнь до сих пор протекала довольно замкнуто и она вообще редко встречалась с представителями сильного пола.

– Прости, Джон, – обратилась она к брату, – но здесь ужасно жарко. Не могли бы мы погулять по саду?

Она уже сделала шаг, когда за ее спиной раздался чей-то голос:

– Мисс Уэйкфилд!

У Кристины не осталось иного выбора, кроме как обернуться. И тотчас ее взгляд встретился с взглядом темно-зеленых глаз, в которых сверкали сотни крошечных золотистых искорок. Они держали ее, словно в плену, и прошла целая вечность, прежде чем девушка вновь услышала голоса.

– Мисс Уэйкфилд, мы встретились в парке вчера, и вы упомянули, что будете на балу. Надеюсь, вы помните меня?

Кристина наконец смогла повернуться к высокому молодому человеку и его жене.

– Да, конечно. Вы – Пол и Мэри Кэкстон, не так ли?

– Совершенно верно. Позвольте представить вам моего брата, приехавшего в Лондон погостить. Мисс Кристина и мистер Джон Уэйкфилд, – мой брат, Филип Кэкстон.

Филип Кэкстон пожал руку Джону и легко притронулся губами к руке Кристины, отчего по спине ее пробежала дрожь.

– Мисс Уэйкфилд, я почту за большую честь, если вы согласитесь подарить мне следующий танец, – сказал Филип Кэкстон, не выпуская ее руки.

– Прошу извинить меня, мистер Кэкстон, но я только что собиралась немного прогуляться с братом по саду. Здесь невыносимо душно.

Почему она берет на себя труд что-то объяснять этому человеку?

– Тогда разрешите проводить вас, с позволения вашего брата, конечно.

Филип взглянул на Джона.

– Конечно, мистер Кэкстон. Я только сейчас заметил знакомого, с которым хотел бы поговорить, так что вы окажете мне большую услугу.

«О, Джон, как ты мог!» – рассерженно подумала Кристина, но Филип Кэкстон уже вел ее к двери сквозь толпу. Оказавшись в саду, Кристина немедленно высвободила руку. Они прошли несколько шагов по аллее, прежде чем она вновь услышала низкий бархатистый голос:

– Кристина! Какое очаровательное имя! Были ли ваши жалобы на жару женской уловкой, чтобы завлечь меня сюда?

Кристина очень медленно повернулась к нему, упершись кулаками в бока и разъяренно сверкая глазами:

– Боже, какой невыносимый хам! Ваше тупое самомнение просто поражает! Вы твердо уверены, что эта пустоголовая мисс достойна приглашения в спальню?!

Кристина развернулась и решительно направилась обратно в большой зал, не успев заметить ошеломленного выражения на лице Филипа. Не увидела она также и сменившей его широкой улыбки.

«Черт побери! – думал он, качая головой. – Да, ее пустоголовой не назовешь! Настоящая маленькая злючка! Будь я проклят, если она не дала мне от ворот поворот!»

Филип закрыл глаза, вновь представил себе Кристину и понял, что должен непременно получить ее. Правда, начало оказалось неудачным, поскольку девушка вспылала к нему неприязню с первого взгляда. Ну что ж, он не собирается сдаваться. Так или иначе, он все равно завладеет ею.

Вернувшись в зал, Филип облегченно вздохнул, увидев Кристину рядом с братом. Всю ночь он не спускал с нее глаз, но девушка ухитрилась ни разу не взглянуть в его сторону. Филип решил не форсировать события – ни к чему еще больше ухудшать дело. Лучше дать Кристине время успокоиться и завтра начать все заново.

Глава 4

Солнце уже высоко поднялось над верхушками деревьев, когда Кристина наконец открыла глаза, сползла с кровати, накинула халат и, сунув ноги в комнатные туфельки, подошла к окну, гадая, который сейчас час. Она так и не смогла уснуть и до самого рассвета беспокойно ворочалась в постели. Всю ночь перед ее мысленным взором стояло это красивое лицо и необычные зеленые глаза, дерзко ее разглядывающие. Филип Кэкстон был выше большинства знакомых ей мужчин и более чем на фут выше ее собственных пяти футов четырех дюймов. Он был строен и мускулист. У него были черные волосы, а густой загар резко выделял его среди лилейно-белокожих лондонских денди.

– Что с тобой, Кристина Уэйкфилд? – упрекнула себя девушка. – Почему ты не можешь выбросить этого человека из головы? Он оскорбил тебя, а ты только о нем и думаешь!

Что ж, по крайней мере она сделает все, чтобы никогда больше не увидеть Филипа Кэкстона!

Кристина поспешно сбросила халат и вынула из гардероба одно из новых платьев для прогулок. Одевшись как можно тщательнее, она спустилась вниз в поисках брата. Войдя в столовую, девушка обнаружила там миссис Дуглас и горничную, хлопотливо убирающих со стола блюда с остатками ленча.

– Ах, мисс Кристина, мы уже начали беспокоиться, что вы заболели, – приветствовала ее миссис Дуглас. – Не хотите ли позавтракать? Или, может, принести ленч?

Кристина села и улыбнулась экономке:

– Нет, спасибо, миссис Дуглас. Вполне достаточно чая с тостами. А где все?

– Мистер Джон сказал, что у него дела, и уехал как раз перед тем, как вы спустились, мисс, – объяснила миссис Дуглас, наливая чай. – А мистер и миссис Йетс прилегли немного отдохнуть.

Появилась горничная с блюдом тостов и джемом.

– Едва не забыла, мисс Кристина, – встрепелась экономка. – Вас хотел видеть какой-то джентльмен. Такой настойчивый, три раза приезжал. Мистер Кэкстон, кажется. – Она хотела что-то добавить, но тут в дверь постучали. – Должно быть, это опять он.

– Ну что ж, – раздраженно бросила Кристина, – он ли, другой, передайте, что я плохо себя чувствую и никого сегодня не принимаю.

– Хорошо, мисс. Но этот мистер Кэкстон такой красивый мужчина! – вздохнула миссис Дуглас, направляясь к двери. Через несколько минут она вернулась, покачивая головой: – Это и вправду мистер Кэкстон. Велел передать вам, мисс, что очень сожалеет, что вы нездоровы, и надеется, что завтра вам станет лучше.

Завтра Кристина и Джон возвращались домой, так что ей не придется снова видеться с мистером Кэкстоном. Кристина скучала по деревне и ежедневным прогулкам верхом на своем жеребце Дэксе. Как хорошо будет вернуться домой!

Дэкс и Принцесса родились одновременно, и отец подарил Принцессу Кристине на день рождения. Но Принцесса оказалась белой и покорной, а Дэкс – вороным и норовистым. Поэтому Кристина уговорила отца подарить ей Дэкса вместо смиренной кобылки, пообещав сделать из него послушного верхового коня. Но Дэкс слушался только свою хозяйку. Кристина рассмеялась, вспомнив, как два года назад Джон попытался сесть на Дэкса. Жеребец не подпускал к себе никого, кроме Кристины. Скорее бы домой! Там она сможет забыть и о грубияне Филипе Кэкстоне, и о Питере Брауне, и о сэре Чарлзе Баттлере.

Кристина услышала, как входная дверь открылась и закрылась, и на пороге появился Джон:

– Значит, ты наконец соизволила подняться с постели? Я ждал тебя все утро, но к полудню сдался. – Он прислонился к косяку: – Встретил сегодня Тома и Энн Шедуэлл. Помнишь Тома? Мы служили с ним в одном полку. Они пригласили нас сегодня к себе на ужин, там будет еще несколько друзей. Ты сможешь выехать в шесть?

– Думаю, что да, Джон.

– Да, кстати, у входа я наткнулся на мистера Кэкстона. Он сказал, что приезжал с визитом, но ты неважно себя чувствовала и отказалась его принять. Что-то серьезное?

– Нет, просто не хотела никого видеть.

– Смотри, завтра мы уезжаем, так что сегодняшний ужин – это твой последний шанс заполучить достойного мужа, – поддразнил ее брат.

– Ах, перестань, Джон, ты же знаешь, что в Лондон я приехала вовсе не за этим. Меньше всего на свете мне хочется связывать себя домом и семьей. Обязанности жены не для меня! Когда я отыщу мужчину, который будет обращаться со мной как с равной, тогда, может быть, и подумаю о свадьбе.

– Я предупреждал отца, что образование не доведет тебя до добра, – рассмеялся Джон. – Какой мужчина захочет иметь жену ничуть не глупее, чем он сам?

– Если все мужчины настолько слабы и робки, тогда я лучше вообще не выйду замуж и с удовольствием останусь старой девой.

– Не могу сказать, что мне жаль того мужчину, который покорит твое сердце, Крисси, – сказал Джон. – Представляю, какой увлекательной окажется ваша семейная жизнь!

Джон ушел, а Кристина еще долго сидела за столом, размышляя над словами брата. Вряд ли она когда-нибудь найдет такую любовь, которая бы сделала ее счастливой, любовь, подобную той, которая связывала ее отца и мать. Их брак оставался идеальным до самой их смерти четыре года назад. С тех пор Кристина и Джон стали еще ближе друг другу.

Но в прошлом году Джон приобрел патент на офицерский чин в армии ее величества королевы и теперь находился в отпуске, ожидая нового назначения. Внезапно Кристина решила отправиться вместе с братом, куда бы того ни послали. Она, конечно, будет скучать по Дэку и по Уэйкфилду, но зато она не расстанется с Джоном.

Она надеялась, что Джона не отправят слишком далеко. Он вовсе не собирался делать карьеру военного, но хотел послужить стране, прежде чем осесть, жениться и обзавестись семьей. Завтра они будут в Уэйкфилде, а потом вновь уедут. Остается надеяться, что это случится не слишком скоро.

Поднявшись наверх, Кристина велела принести воды для ванны. Она любила подолгу лежать в теплой воде. Это всегда успокаивало и улучшало настроение, совсем как прогулки верхом.

Поскольку это был их последний вечер в Лондоне, Кристина решила уделить особое внимание своему туалету. Она выбрала бордовое вечернее платье и попросила Мэри уложить ее золотистые локоны в новую модную прическу. В волосах и вокруг шеи девушки сверкали ярко-красные рубины. Мать оставила Кристине рубины, сапфиры и изумруды, а для будущей жены Джона – бриллианты и жемчуга. Мама как-то сказала Кристине, что кожа и волосы у нее слишком светлые для бриллиантов, и Кристина охотно согласилась.

Она невольно залюбовалась своим отражением в зеркале. Кристине нравились красивые платья и драгоценности. Она сознавала, что весьма хороша собой, но все же никак не могла поверить, что она, Кристина, и впрямь так прекрасна, как ей твердят все вокруг. Волосы у нее были, пожалуй, чересчур светлыми, и высокий белый лоб почти сливался с ними, однако фигурой своей девушка была довольна: полные, идеальной формы груди, узкая талия, стройные бедра, длинные ноги.

Но тут, прервав ее мысли, в дверь постучали.

– Если ты готова, Крисси, – сказал из-за двери Джон, – можно, пожалуй, проехаться в последний раз по парку, прежде чем отправимся на ужин.

Отворив дверь, Кристина встретила с восхищенным взглядом брата.

– Мне надо только взять плащ, и можно идти, – весело ответила она.

– Ты сегодня прелестна, Кристина, впрочем, как и всегда!

– Ты такой льстец, Джон, но мне это нравится, – поддразнила Кристина. – Пойдем?

Брат с сестрой неспешно проехали по Риджент-парку, после чего остановились перед красивым особняком на Юстин-стрит. Том и Энн Шедуэлл встретили их у входа. Энн Шедуэлл оказалась самой миниатюрной женщиной, которую когда-либо видела Кристина. Она походила на фарфоровую куклу: белокожая, с черными волосами и глазами. Ее муж был таким же высоким, как Джон, с грубовато-красивым лицом.

– Джон, вы самые последние! Остальные уже в гостиной! – воскликнул Том, показывая дорогу.

Оказавшись в гостиной, Кристина сразу же заметила Филипа Кэкстона. Выше него в комнате никого не было. Черт возьми, теперь он испортит ее последний вечер в Лондоне!

Филип Кэкстон увидел Кристину, как только та переступила порог. Встретившись с ним глазами, она презрительно отвернулась. Что ж, он и не ожидал легкой победы. Прошлой ночью она, кажется, возненавидела его. Какая удача, что Филип встретил Джона Уэйкфилда и узнал от него, где он и его сестра собираются провести нынешний вечер. Пол был знаком с Томом Шедуэллом и умудрился получить приглашение для себя и брата. Кроме того, Филип узнал от Джона, что это их последний вечер в Лондоне, так что ему надо будет действовать быстро. Он надеялся, что Кристину не слишком оскорбит его дерзость, но никакого другого выбора, кроме как попытаться завоевать ее сердце сегодня, у него не оставалось. Конечно, он предпочел бы отвезти Кристину к себе в пустыню и взять ее в жены, хочет она того или нет, как принято в племени его отца. Но здесь, в Англии, это невозможно. Нужно попытаться покорить девушку, завоевать ее благосклонность, как принято в цивилизованном обществе.

Филип вздохнул, проклиная быстро бегущее время. Но может быть, Кристина Уэйкфилд только разыгрывает недотрогу? В конце концов все девушки стремятся в Лондон в поисках мужа. А он не такая уж плохая партия. Правда, они знакомы всего лишь день – обстоятельство явно не в пользу Филипа. Дьявол, почему он не встретил ее раньше?!

Энн Шедуэлл подвела Кристину к Филипу:

– Мисс Уэйкфилд, позвольте представить...

Ее бесцеремонно перебили.

– Мы уже знакомы, – пренебрежительно бросила Кристина. Энн Шедуэлл испуганно вскинулась, но Филип, поклонившись с небрежным изяществом, молча взял Кристину под руку и повел на балкон. Она пыталась сопротивляться, но Филип был уверен, что на открытый скандал она не пойдет.

Они подошли к перилам, и Кристина немедленно развернулась, оказавшись лицом к лицу с Филипом. Глаза ее возмущенно сверкали, в голосе звенело презрение.

– Послушайте, мистер Кэкстон! Мне показалось, я достаточно ясно выразилась прошлой ночью, но поскольку вы, кажется, не очень-то понятливы, позвольте объяснить: вы мне не нравитесь. Я считаю вас грубым, невоспитанным человеком и нахожу совершенно невыносимым. А теперь, извините, мне нужно вернуться к брату.

Девушка уже сделала шаг, но Филип, схватив ее за руку, вновь притянул к себе.

– Подождите, Кристина, – хрипло приказал он, вынуждая ее взглянуть в его темные глаза.

– Право, мистер Кэкстон, думаю, нам нечего больше сказать друг другу. И пожалуйста, поймите, что я не давала вам права звать меня по имени.

Кристина вновь повернулась, чтобы уйти, но Филип продолжал держать ее за руку. Пришлось остановиться. В бешенстве топнув ногой, девушка прошипела:

– Немедленно отпустите меня!

– Не отпущу, пока вы не выслушаете того, что я хочу сказать, Тина!

– Тина?! – разъяренно охнула Кристина, свирепо уставившись на наглеца. – Как вы смеете...

– Я смею делать все, что захочу, черт возьми! А теперь закройте рот и слушайте! – При виде изумления, написанного на ее прелестном личике, Филип едва не рассмеялся. – Вчера вечером я говорил так грубо о молодых дамах только затем, чтобы немного утихомирить своего брата, вообразившего себя свахой. Я не хотел жениться, пока не встретил вас. Тина, я хочу вас. Вы окажете мне огромную честь, согласившись стать моей женой. Я дам вам все, что вы пожелаете, – драгоценности, наряды, поместья и богатство.

Девушка как-то странно глядела на него. Потом открыла рот, чтобы сказать что-то, но слова, похоже, не шли с языка. И тут щеку Филипа обожгла пощечина.

– Меня никогда в жизни так не оскорбляли...

Но Филип не дал ей закончить. Схватив ее в объятия, он закрыл прелестный ротик поцелуем, жгучим, страстным. Он прижимал Кристину к себе крепче и крепче, чувствуя, как вдавливаются в его грудь ее упругие груди, не давая ей дышать. Она сопротивлялась, но все ее попытки вырваться только еще больше распалили его желание. Но тут она неожиданно обмякла в его руках, на мгновение сбив Филипа с толку. Ему показалось, что она лишилась сознания, но внезапно он сморщился от резкой боли в голени. Он невольно разжал руки, нагнулся, чтобы потерять ушибленное место, а когда выпрямился, Кристина уже вбежала в гостиную. Филип видел, как она подошла к брату и что-то сказала. Тот кивнул, на мгновение исчез и, немедленно вернувшись с плащом сестры, извинился перед хозяевами и повел Кристину к выходу.

Филип, все еще ощущая вкус ее губ на своих губах, повернулся и посмотрел в сторону улицы, как раз вовремя, чтобы увидеть Кристину и Джона, садившихся в экипаж. Кучер стегнул лошадей, экипаж покатился по мостовой. Филип смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду, потом разыскал Пола и попросил его объяснить с четой Шедуэллов. У него не было настроения весь ужин терпеть светскую болтовню.

Пол начал было протестовать, но Филип уже выходил из гостиной.

Ему следовало бы знать, что так вести себя с женщиной мог лишь последний идиот! Подумать только: умолял ее, уговаривал, глупец несчастный! Ну что ж, больше этой ошибки он не сделает. Он никогда раньше не пытался объясняться с женщиной и впредь не собирается! Надо же, он в самом деле намеревался покорить ее сердце всего за один вечер! Но Кристина не какая-нибудь судомойка, которая ухватилась бы за любую возможность навсегда избавиться от грязи и нищеты. Она – благородная дама, привыкшая к роскоши, и не нуждается в богатстве, которое мог бы дать ей он.

Ему следовало бы поехать в Холстед, к ней домой, и неспешно ухаживать за ней. Но Филип не привык к этому. Кроме того, он никогда раньше не ухаживал за женщиной. Он привык немедленно получать все, что захочет, и теперь хотел Кристину. Сейчас же.

Когда Кристина вбежала в гостиную, ее била неукротимая дрожь. Она все еще ощущала губы Филипа Кэкстона на своих, силу рук, прижимавших ее к мужской груди, твердость мужской плоти, вдавившейся в ее живот. Так вот что это такое, когда мужчина целует женщину! Она всегда гадала, что будет испытывать при этом, но не ожидала того странного чувства, которое возбудил в ней Филип Кэкстон, чувства, одновременно пугавшего и волновавшего ее.

Счастье еще, что она вспомнила наставление матери: если мужчина слишком навязчив и нужно от него отделаться, лучше всего притвориться, что теряешь сознание, а затем лягнуть как можно сильнее. Этот способ оказался весьма действенным, и девушка молча поблагодарила мать за совет.

Пока брат ходил за плащом, Кристина постаралась успокоиться. Она сказала ему, что у нее ужасно разболелась голова, и выразила желание немедленно уехать домой. Как только Джон вернулся, они спустились вниз и сели в карету. Подняв глаза, Кристина заметила стоявшего на балконе Филипа Кэкстона. Он пристально наблюдал за ними. Подумать только, этот наглец заявил, что хочет ее, и просил стать его женой, зная, что она терпеть его не может! Неслыханная дерзость! Невероятное нахальство!

Теперь, избавившись от Филипа Кэкстона, Кристина была вне себя от ярости. Они встретились лишь вчера, а сегодня он уже попросил ее выйти за него замуж – и все это без единого слова любви! Он заявил ей только одно – что хочет ее! И повел себя при этом гораздо разнузданнее, чем Питер или сэр Чарлз. Те по крайней мере держались как джентльмены!

Думая обо всем случившемся, Кристина чувствовала, как в ней с каждой секундой возрастает гнев. Кэкстон вел себя хуже любого варвара. Как ей хотелось немедленно вернуться на балкон и снова ударить по этой надменной физиономии!

По-видимому, эти чувства отражались на ее лице, поскольку Джон, внимательно глядевший на сестру вот уже несколько минут, неожиданно спросил:

– Криси, объясни, ради Бога, что это с тобой? Вид у тебя такой, словно еще немного – и ты взбесишься и начнешь буянить. А я-то думал, что у тебя просто болит голова.

Заставив себя прислушаться к Джону, Кристина рассеянно прижала руку ко лбу, словно проверяя, что ощущает, но тут же, не выдержав, взорвалась:

– Головная боль? У меня только одна головная боль – тот тип, которого я оставила на балконе! Джон, этот высокомерный негодяй просил меня выйти за него замуж!

– Кто именно? – спокойно осведомился брат.

– Филип Кэкстон, кто же еще?! И он имел наглость поцеловать меня – прямо там, на балконе!

Но Джон, вместо того чтобы возмутиться, неожиданно развеселился:

– Кажется, дорогая сестричка, ты наконец встретила мужчину, который знает, чего хочет, и готов добиваться своего. Говоришь, он просил тебя стать его женой, и всего после одного дня знакомства? По крайней мере Браун и Баттлер знали тебя немного дольше. Похоже, Филипу Кэкстону ты действительно нужна.

Вспомнив слова Филипа, Кристина обозлилась еще больше:

– Да, он хочет меня. Так прямо и заявил... ни слова о любви, лишь о похоти.

Джон снова рассмеялся. Не часто он видел сестру такой сердитой. Если бы Кэкстон попытался позволить себе какие-то серьезные вольности с Кристиной, пришлось бы вызвать его на дуэль. Тогда Джону было бы сейчас не до смеха. Но можно ли винить мужчину за поцелуй и предложение руки и сердца? Повстречай Джон такую красивую женщину, как его сестра, он наверняка сделал бы то же самое.

– Знаешь, Криси, очень часто, почти всегда, желание предшествует любви. Скажи Кэкстон, что влюблен в тебя, это скорее всего оказалось бы ложью. Мужчина понимает, что влюблен, лишь когда встречает женщину, без которой не может жить. Я уверен, что любовь расцветает медленно, и уж, во всяком случае, не за два дня или даже две недели. Однако, кажется, Филип Кэкстон готов полюбить тебя, если предложил замужество. Вместо того чтобы так злиться, могла бы воспринять все как комплимент.

Немного успокоившись, Кристина откинулась на сиденье и мрачно уставилась в пространство.

– Что ж, это все равно не имеет значения, не так ли? Я больше никогда в жизни не увижу Филипа Кэкстона. Собственно говоря, мне вообще не следовало бы приезжать в Лондон. Здешние мужчины сами не понимают, чего хотят. Они просто стараются привлечь к себе побольше внимания, и каждый хвастает, что он лучше других. А подобные Филипу Кэкстону считают, что могут получить все, стоит только протянуть руку. Такая жизнь не для меня. Видимо, в душе

я все-таки простая сельская девушка. – Набрав в грудь воздуха, Кристина медленно выдохнула: – О, Джон, я так рада, что возвращаюсь домой!

Глава 5

Прохладный морской ветерок весело развеивал юбки Кристины, когда она и Джон сидели на судно, которое должно было доставить их в Каир. Крестину проводили в маленькую каюту, которую придется делить с другой пассажиркой. Джону отвели каюту напротив. После того как на борт подняли багаж, Кристина вышла на палубу, чтобы бросить последний взгляд на любимую Англию. Наблюдая, как матросы в спешке готовятся к отплытию, девушка припомнила сегодняшнее суматошное утро.

Кристина снова не спала почти всю ночь и пробудилась от громкого стука в дверь. На пороге появился Джон. Немного помедлив, он подошел ближе и встал у кровати. Его красивое лицо было встревоженным и огорченным. В руках он держал бумагу. Протирая сонные глаза, Кристина вопросительно взглянула на брата.

– Он прибыл, Кресси. Боюсь, мне придется немедленно уехать.

– Кто прибыл? – зевнула девушка. – О чем ты, Джон?

– Приказ о назначении. Прислали раньше, чем я ожидал, – пояснил брат, протягивая ей письмо. Кристина медленно читала, ошеломленно качая головой.

– Каир! – воскликнула она. – Но ведь до него больше четырех тысяч миль!

– Знаю, дорогая. Придется ехать через час. Прости, что не смогу проводить тебя домой, но Говард говорит, что будет рад поехать вместо меня. Я буду скучать по тебе, сестричка.

– Ни в коем случае, братец, – улыбнулась девушка. – Я уже давно решила, что еду с тобой.

– Но это просто смешотворно, Кресси! Что ты будешь делать в маленьком военном гарнизоне, да еще в Египте? Климат там отвратительный и крайне нездоровый. Невыносимая жара. Подумай, во что превратится твое лицо!

Но Кристина, рывком сбросив одеяло, вскочила с постели и, упрямо вздернув подбородок, встала перед Джоном:

– Я еду, Джон Уэйкфилд, и это мое последнее слово! Тебя не было весь прошлый год, и я едва с ума не сошла от тоски! Больше мне этого не вынести! Кроме того, мы вовсе не так уж долго пробудем в Египте.

Девушка огляделась и, заметив разбросанные по комнате платья, охнула:

– О, я зря трачу время! Уходи отсюда и подожди, пока я оденусь и слогу вещи. Надолго не задержусь, обещаю.

Вытолкнув брата из комнаты, она позвала Мэри и попросила помочь ей собраться. Нужно спешить, чтобы у Джона не было предлога оставить ее в Англии.

Меньше чем через час Кристина была уже одета и готова к отъезду. Джон больше не возражал и даже признался, что рад решению сестры.

И вот теперь они отправляются в незнакомую страну, о которой Кристина знала так мало. Она внимательно разглядывала остальных пассажиров. Как странно, что Джон – единственный офицер на борту!

– Кресси, тебе следовало подождать меня! Не желаю, чтобы ты выходила на палубу одна!

Кристина испуганно встрепенулась, но тут же успокоилась, увидев стоявшего у поручней брата.

– О, Джон, ты настоящая насадка! Какая опасность может мне здесь грозить?

– Тем не менее я предпочел бы, чтобы во время путешествия ты не выходила на палубу одна.

– Ну хорошо, если ты настаиваешь... – сдалась Кристина. – Я только сейчас подумала: как странно, что на борту нет ни одного офицера, кроме тебя. Должно быть, не только ты получил приказ о назначении в Каир?

– Ты права. Я сам не понимаю, в чем дело, но до приезда в Каир ответа нам не узнать.

- Может быть, тебя ожидает какое-то специальное задание? – предположила Кристина.
- Сомневаюсь, Крисси, но все станет ясно, когда мы сойдем на берег в Каире.

Джон обнял Кристину за плечи, и оба молча смотрели, как исчезают за кормой берега родины.

Кристине путешествие показалось долгим и утомительным. Она возненавидела тесное пространство каюты. К тому же на корабле было некуда пойти и нечем заняться. Зато она подружилась с соседкой по каюте, миссис Бигли. Миссис Бигли навещала своих детей, учившихся в английской школе, и теперь возвращалась в Египет. Ее муж был командиром того полка, в который был назначен Джон. Но миссис Бигли не могла объяснить Кристине, почему ее брата послали в Каир, и знала только, что остальные офицеры пополнения должны отправиться к месту службы не раньше чем через месяц. И поскольку ответов на вопросы все равно не находилось, Кристина решила не думать о загадке до приезда в Каир и проводила почти все время за чтением или на палубе. Прочитав все взятые с собой книги, девушка начала часто наведываться в маленькую судовую библиотеку.

В самом начале путешествия она приобрела трех поклонников, соперничавших друг с другом за малейший знак внимания с ее стороны. Один, американец по имени Уильям Досон, оказался весьма милым молодым человеком с добрыми серыми глазами и темно-каштановыми волосами. На его худом лице с грубоватыми чертами почти всегда играла приветливая улыбка, а говорил он с каким-то невероятным акцентом. Кристина могла часами сидеть и слушать его занимательные истории о жизни в приграничной области Дикого Запада.

Хотя мистер Досон ей нравился, Кристина не испытывала никаких романтических чувств ни к нему, ни к кому-либо из своих поклонников. Она решила, что все мужчины одинаковы и добиваются от женщины лишь одного. Никто из них, по всей видимости, не собирался относиться к ней как к равной.

Дни тянулись медленно и скучно, на корабле не происходило ничего достойного внимания. Когда они наконец добрались до Египта, Кристина едва смогла этому поверить. По мере продвижения на юг климат становился все жарче, и девушка радовалась, что догадалась захватить с собой летние платья. Джон послал за остальными вещами, но сундуки должны прибыть не раньше чем через несколько недель.

На следующее утро судно бросило якорь в гавани Александрии. Кристине не терпелось вновь почувствовать твердую землю под ногами, но на пристани собралось так много египтян, что высаживающиеся на берег пассажиры были вынуждены с трудом продираться сквозь толпу.

Джон и Кристина стояли на палубе рядом со своими вещами, готовые спуститься по трапу, но в этот момент подошла миссис Бигли и взяла девушку за руку:

– Дорогая, вы помните, что мы говорили насчет столь внезапного назначения вашего брата? С тех пор я не перестаю гадать, в чем дело. Мой муж, полковник Бигли, придет встречать меня, и это первое, о чем я его спрошу. Если вы не против побыть со мной, пока я не отыщу мужа, вы сможете сразу получить ответ.

– Да, конечно, – согласилась Кристина. – Просто умираю от любопытства, и, уверена, Джон тоже.

Миссис Бигли помахала представителю джентльмену лет около пятидесяти, должно быть, своему мужу. Они спустились по сходням на пристань. Полковник, подойдя ближе, обнял жену и нежно поцеловал ее в губы.

– Здесь без тебя чертовски одиноко, любимая, – пробормотал он, прижимая к себе миссис Бигли.

– Я тоже скучала по тебе, дорогой. Познакомься: лейтенант Джон Уэйкфилд и его сестра Кристина. А это полковник Бигли.

Джон и полковник отдали друг другу честь.

– Что, спрашивается, заставило вас явиться на месяц раньше, лейтенант? Пополнение должно прибыть не раньше чем через три-четыре недели.

– Я надеялся, что вы сможете ответить мне на этот вопрос, сэр, – пожал плечами Джон.

– Что? Хотите сказать, что не знаете, почему оказались здесь? Приказ о назначении у вас с собой?

– Да, сэр.

Джон вынул приказ из внутреннего кармана куртки и протянул полковнику. Тот прочел его и, недоуменно хмурясь, взглянул на Джона.

– Простите, сынок, ничем не могу помочь. Готов лишь сказать, что мы за вами не посылали. Может, у вас есть влиятельные враги в Англии, которые хотели убраться из страны?

Джон потрясенно уставился на полковника:

– Я об этом не подумал, сэр. И у меня нет врагов, по крайней мере я так считаю.

– Чрезвычайно странно и непонятно, но раз вы уже здесь, не согласитесь ли пойти пообедать с нами? Поезд в Каир отправляется не раньше чем часа через два.

Протолкавшись сквозь толпу, полковник привел вновь прибывших к маленькому кафе, где они не торопясь пообедали, после чего направились к вокзалу. Там их уже ожидал Уильям Досон. Он приехал проводить Кристину, пообещал навестить ее через неделю, когда окажется в Каире, и попросил не уделять все время остальным поклонникам.

В поезде оказалось жарко и неудобно, но Кристину забавляло, что при таком количестве поездов в Англии нужно было забраться на край света, чтобы впервые путешествовать подобным образом. Она решительно предпочитала прохладу и комфорт экипажей, хотя на проселочных дорогах иногда сильно трясло.

Миссис Бигли и Кристине пришлось устроиться на одном сиденье в переполненном вагоне.

– Я слышала, что в пустыне нашли пристанище множество опасных преступников. Правда ли, что племена бедуинов обращают захваченных ими пленников в рабство? – нервно спросила Кристина миссис Бигли.

– Увы, это так, дорогая, – кивнула та. – Но не стоит беспокоиться об этом. Кочевники боятся армии ее величества и обычно скрываются в Аравийской пустыне, довольно далеко от Каира.

– Да, это, несомненно, большое облегчение, – вздохнула Кристина.

Уже в сумерках поезд остановился на каирском вокзале. Супруги Бигли проводили Джона и Кристину в отель.

– После того как устроитесь, я покажу вам город, и мы сможем пойти в оперный театр, – любезно пообещала миссис Бигли. – Знаете ли вы, что именно здесь состоялась премьера «Аиды», чтобы таким образом отметить открытие Суэцкого канала?

– Нет, не знала, но, по правде говоря, я не слишком много читала об этой стране, – вяло ответила Кристина: она очень устала, чтобы интересоваться сегодня чем-то, кроме сна. Поблагодарив полковника с женой за доброту, Джон и Кристина пожелали им спокойной ночи. Джон заказал легкий ужин, но Кристина едва притронулась к еде и почти сразу же поднялась к себе. Ее спальня была на противоположном конце коридора от комнаты Джона, и ванну уже успели наполнить горячей водой. Кристина, поспешно сбросив одежду, залезла в ванну.

Настоящий рай! Последние несколько часов в поезде она чувствовала себя измученной от жары и пыли. И вот теперь наконец-то может поблаженствовать в горячей воде.

Она провела в ванне почти час, прежде чем облиться напоследок, и, надев ночную сорочку, легла в постель. Горячая вода и усталость сделали свое дело – Кристина почти мгновенно заснула.

Глава 6

В середине ночи Кристина вдруг проснулась от странного шума. Открыв глаза, она увидела стоящую у ее постели высокую фигуру и удивилась: что это пришло в голову Джону? Почему он оказался здесь среди ночи?

Но тут девушка сообразила, что ночной гость не может быть Джоном: он гораздо выше и к тому же закрыл лицо.

Кристина открыла рот, чтобы закричать, но прежде, чем она успела издать хоть один звук, огромная рука запечатала ей губы. Девушка попыталась освободиться, но мужчина оказался слишком силен для нее. Внезапно он приподнял ее, притянул к себе и поцеловал, грубо, властно, прижимаясь к ней всем телом и дерзко шаря рукой по груди.

«Боже, – в ужасе подумала Кристина, – он изнасилует меня!»

Несмотря на парализующий страх, она начала отчаянно вырываться, но незнакомец швырнул ее обратно на постель и ловко сунул ей в рот кляп, обвязав его сверху тряпкой. Потом, надев Кристине на голову мешок, стянул его под коленками и, подняв девушку, перекинул ее через плечо.

Кристина пыталась брыкаться, чтобы сбить негодяя с ног, но тот вдруг подбросил ее в воздух, и она едва не задохнулась, когда вновь упала животом на его плечо. Кристина чувствовала, что ее куда-то несут, слышала стук открывшейся и закрывшейся двери спальни. Они, по-видимому, спускались по ступенькам, потом Кристина ощутила дуновение ветра на голых ногах. Должно быть, они уже на улице. О Господи, что собирается сделать с ней этот человек? Неужели она попала в эту Богом забытую страну только затем, чтобы умереть? И какой смерти? Вероятно, перед этим ее безжалостно изнасилуют! Бедный Джон, он будет винить себя в гибели сестры. Необходимо попытаться сбежать!

Кристина снова начала дергаться и брыкаться, но мужчина лишь крепче прижал ее к себе и пошел быстрее. Внезапно остановившись, он сказал несколько слов на непонятном языке и перекинул девушку через что-то. Кристина попыталась сопротивляться, но, получив довольно увесистый шлепок по заду, утихла.

Другой голос что-то пробормотал, вызвав громкий взрыв хохота. Кристину начало подбрасывать. Она поняла, что лежит поперек лошади, как мешок с картошкой, и едва сдержала истерический смех, почувствовав, что похититель вдавил ладонь ей в спину. Неужели он боится, что она свалится и ушибется, прежде чем он сам сможет причинить ей боль?

Сердце девушки колотилось с такой силой, что казалось, вот-вот разорвется. Куда он везет ее? Долго гадать не пришлось. Ну конечно же, в пустыню! Где найти лучшее место, чтобы изнасиловать женщину? Ведь там никто не услышит ее криков! И к тому же с ними скачут еще несколько мужчин. Сколько раз они позабавятся с ней, прежде чем убить?!

Скачка длилась уже несколько часов, но Кристина потеряла всякое представление о времени. Волосы разметались по ее лицу, мышцы живота ныли от неудобного положения. Девушка не могла понять, почему они взяли на себя труд завезти ее так далеко в пустыню. Но всему приходит конец. Всадники неожиданно остановились.

«Сейчас. Это случится сейчас», – лихорадочно думала Кристина, чувствуя, как сильные руки опускают ее на землю, и, едва встав, попыталась бежать, но забыла о завязанном под коленями мешке и упала на песок, лицом вниз. Не в силах вынести унижения, девушка тихо заплакала. Наверное, она забилась бы в истерике, не будь во рту кляпа. Кто-то поднял ее и вновь поставил на ноги. Ступни утонули в холодном песке пустыни.

Почувствовав, что веревку, обвивавшую колени, развязали, Кристина вновь метнулась, сама не зная куда, но ее грубо дернули назад и прижали к широкой мужской груди. Похититель, казалось, держал ее в объятиях целую вечность, потом, хохотнув, усадил на коня, а сам

устроился сзади. Кажется, он все-таки решил наконец позволить ей ехать, сохраняя хотя бы подобие достоинства.

Но почему они снова скачут? И почему с ней ничего не сделали? Считают, что смогут причинить ей больше страданий, если долго будут держать ее в мучительном ожидании?

Но тут до Кристины дошло – может, они и не собираются ее убивать? Может быть, они продадут ее в рабство, после того как изнасилуют? Конечно! За нее, вероятно, можно взять большую цену! Ведь говорят, что арабы равнодушны к женщинам со светлыми волосами, а ее белое стройное тело может привлечь любого мужчину! Да, скорее всего так и будет. Кристина пришла в отчаяние. Они попользуются ею и продадут тому, кто больше даст. Но это хуже смерти!

Кристина всегда говорила, что не станет рабыней мужа, не покорится ни одному мужчине на свете. Но теперь ее судьба – настоящее рабство, и хозяин может сделать с ней все, что пожелает. Она не имеет права даже словом возразить, не то что воспротивиться. И Кристина начала молить Бога, чтобы ее убили, – ведь она не сможет вынести участи рабыни.

Время тянулось невыносимо медленно, пока Кристина наконец не увидела свет, просачивающийся через грубую ткань мешка, и не поняла, что, должно быть, наступил рассвет. Она вновь подумала о Джоне, о страданиях, которые ему придется перенести, когда он узнает о ее похищении. Вряд ли ему удастся когда-либо отыскать ее, ведь они скакали почти всю ночь.

Куда ее везут? Кристина чувствовала, как по ее бокам и ногам струится пот – солнце поднималось все выше и пекло все жарче. Она прокляла бы этого ублюдка самыми страшными проклятиями, если бы тот понимал по-английски. Усталость все больше сковывала ее тело.

Наконец кони снова остановились, но Кристине уже было все равно – она больше ни о чем не желала думать. Ее поставили на землю, но затекшие ноги подкашивались. И хотя она не собиралась сдаваться, бежать было бесполезно. Кто-то стащил с Кристины мешок, и солнце на мгновение ослепило ее. Когда зрение опять вернулось к девушке, она увидела перед собой коротышку-туземца. Он вручил ей широкое одеяние – бурнус и квадратный кусок ткани с длинным шнуром – головной убор бедуинов.

– Куфья, – пояснил он, показывая на ткань.

И, отвязав кляп, отошел.

Всадников оказалось трое – два молодых человека среднего роста и один великан, поивший коней. Туземец, вручивший ей плащ и куфью, подошел снова и, застенчиво улыбаясь, протянул хлеб и мех с водой. Кристина была очень голодна, потому что накануне почти ничего не ела.

Когда она напилась и доела хлеб, гигант приблизился и отобрал у нее мех, бросив его одному из спутников. Куфья закрывала нижнюю часть его лица, так что Кристина не могла как следует его разглядеть. Он был слишком высок и широкоплеч для араба. Кристина считала, что арабы, как правило, небольшого роста, но этот человек возвышался над двумя другими как гора.

Он помог ей одеться и откинул свисавшие до бедер волосы. Хорошо еще, что он одел ее, а не раздел!

Великан надел ей на голову куфью, отвел ее в тень, отбрасываемую нависающей скалой, и толкнул на прохладный песок.

Перепуганная Кристина сжалась в комочек, пытаясь отстраниться, но похититель только хрипло рассмеялся и отошел, чтобы помочь спутникам накормить коней. Те сняли с лошадей грубые попоны, растерли потные шкуры и насыпали в торбы зерна. Низкорослые арабы немного поели и легли отдыхать, укрывшись с головами своими черными одеяниями.

Оглянувшись, Кристина заметила, что высокий мужчина с ружьем в руках взобрался на скалу и встал на страже. Сбежать она не могла. Кристина позволила усталому телу расслабиться

и заснула, а когда открыла глаза, солнце уже стояло совсем низко над горизонтом. Лошади были оседланы, и великан посадил ее в седло перед собой.

Вдали возвышались горные вершины, впереди расстилался океан песка. Кристина наконец сдалась и откинулась на грудь похитителя. Ей показалось, что он засмеялся, но она по-прежнему чувствовала себя такой усталой, что ей было все безразлично. Закрыв глаза, она снова заснула.

Они ехали еще три ночи, отдыхая в самые жаркие дневные часы, и наконец, как показалось Кристине, пересекли пустыню. Вокруг появились деревья, а воздух стал значительно прохладнее – по-видимому, они поднимались в горы.

Как отчаянно хотелось Кристине, чтобы этот кошмар оказался всего лишь плохим сном! Вот сейчас она окажется в Холстеде, рядом с братом, в лицо ей подует прохладный ветерок, и она позавтракает, а потом не спеша покатается на Дэксе. Но Кристина ясно сознавала – это не сон. Она никогда больше не увидит Дэкса и свой родной дом.

Впереди блеснуло пламя костра. Один из похитителей что-то прокричал, и лошади, медленно выехав из-под прикрытия деревьев, оказались в лагере. Вокруг огня стояло пять шатров, причем один был больше остальных. Костер был единственным источником света, и пламя отбрасывало пляшущие тени на окружающих его людей и предметы.

Подшли четверо улыбающихся темнолицых туземцев и о чем-то весело заговорили с вновь прибывшими. Из шатров выходили женщины, с любопытством глядевшие на Кристину. Но ни одна не осмелилась приблизиться к мужчинам – наоборот, все старались держаться подальше. Пленницу поставили на землю, и девушка поняла, что путешествие, должно быть, подошло к концу. Значит, нужно попытаться избежать ожидающей ее участи! Может быть, она сумеет укрыться в горах и каким-то чудом найти дорогу обратно, в мир цивилизованных людей.

К собравшимся у костра присоединилось еще несколько мужчин. Все столпились около высокого похитителя, о чем-то оживленно толкуя и жестикулируя. Кристину на несколько минут оставили одну. Неужели они считают, что она будет смиренно стоять, ожидая приговора?

Подняв до бедер бурнус и ночную сорочку, Кристина бросилась бежать со всех ног со скоростью, которой сама от себя не ожидала, не зная, гонятся ли за ней, слыша лишь оглушительный стук собственного сердца. Куфья свалилась с ее головы, волосы в беспорядке разлетались по ветру.

Наконец она, споткнувшись, упала лицом вниз, а когда подняла голову, увидела перед носом чьи-то ноги и снова с громким плачем бросилась на утопанную землю. Кристина ничего не могла поделать с собой, хотя не выносила мысли о том, что пришлось выказать слабость перед похитителем. Заставив ее рыдать, он одержал победу.

Мужчина грубо поднял ее на ноги и потащил в лагерь. Кристину привели в самый большой шатер, бесцеремонно толкнули на широкий диван без спинки с низкими закругленными подлокотниками. Девушка немедленно постаралась взять себя в руки, откинула с лица спутанные волосы и вытерла слезы со щек.

Шатер оказался достаточно просторным, завешенным с трех сторон полупрозрачной тканью, через которую проникал яркий свет горевшего снаружи костра. Многоцветные ковры устилали пол, а с четвертой стороны свисало нечто вроде немного отодвинутой плотной шторы, за которой находилась еще одна комната.

В главной комнате почти не было мебели. Напротив того дивана, на котором сидела Кристина, был еще один, обитый голубым бархатом, а между ними стоял длинный низкий столик. В глубине Кристина заметила маленький постамент с единственным, усыпанным драгоценными камнями кубком и мехом из козьей шкуры наверху. По обоим диванам и полу было разбросано множество маленьких подушек в ярких наволочках.

Кристина молча разглядывала похитителя. Великан, стоя к ней спиной, снимал куфью и бурнус. Бросив одежду на поставец и оставшись в замшевых сапогах до колен и широких шароварах, заправленных в сапоги, он налил что-то из меха в кубок. Услышав звуки превосходной английской речи, Кристина испуганно вскинулась.

– Вижу, с тобой нелегко придется, Тина. Но теперь, когда ты здесь и знаешь, что принадлежишь мне, возможно, ты не будешь пытаться бежать так часто.

Кристина не верила собственным ушам, но тут мужчина обернулся, и глаза девушки потрясенно расширились. Рот сам собой открылся.

Похититель разразился громким смехом.

– Я так долго ждал, чтобы увидеть это выражение на твоём лице, Тина, с тех пор, как ты покинула меня той ночью в Лондоне.

О чем он толкует? Должно быть, с ума сошел!

Щеки девушки гневно вспыхнули, тело сотрясалось от неудержимой ярости.

– Вы! – завопила она. – Что вы здесь делаете и как посмели похитить меня и привезти в эту Богом забытую глушь?! Мой брат убьет вас, Филип Кэкстон!

Но Филип снова рассмеялся:

– Значит, ты больше не боишься меня, Тина! Это хорошо. Вряд ли бы мне понравилось, если бы ты стала униженно молить меня о милосердии.

– Этого вам никогда не дожидаться, мистер Кэкстон! – Кристина вскочила и оказалась лицом к лицу с Филипом, забыв о беспорядочно рассыпавшихся по плечам волосах. – А теперь будьте добры объяснить, почему вы привезли меня сюда. Если вам требуется выкуп, мой брат отдаст все, что пожелаете! Только, пожалуйста, закончите дело побыстрее, чтобы я смогла оставить это место и ваше общество!

Он улыбнулся девушке. Глаза необычного цвета словно загипнотизировали ее. «Почему, ну почему он так чертовски красив?» – неожиданно и не к месту подумала Кристина.

– Думаю, настало время открыть, почему я привез тебя сюда. – Филип сел на диван напротив и жестом велел ей сделать то же самое. Осушив кубок, он несколько минут пристально смотрел на нее, затем продолжил: – Обычно я не имею привычки объяснять мотивы своих поступков, но в твоём случае решил сделать исключение. – Он помедлил, словно пытаясь отыскать нужные слова. – Кристина, с самой первой встречи в Лондоне, на балу, я сразу понял, что хочу тебя. Поэтому и попытался все сделать по-твоему – признался в своих чувствах к тебе и сделал предложение. Но ты отказала, и тогда я решил поступить по-своему и не терять времени. Именно я устроил так, что твоего брата послали в эту страну. Я сделал это сразу же после того, как ты отвергла меня.

– Так это из-за вас нам пришлось ехать сюда! – охнула девушка.

– Не смей перебивать, пока я не закончил. Понятно?

Кристина кивнула, но лишь потому, что желала дослушать его объяснение до конца.

– Как уже было сказано, именно я устроил перевод твоего брата в Каир. Это оказалось совсем нетрудно – надо было всего-навсего знать нужных людей. Если бы ты решила остаться в Англии, я без труда похитил бы тебя после отъезда твоего брата и привез в свой дом. Правда, оттуда легче сбежать, но зато я бы заполучил тебя гораздо скорее. Здесь же почти нет шансов скрыться от меня. В обычае этой страны брать пленников в набегах, так что не жди помощи от людей моего племени, – пояснил Филип, ехидно улыбаясь. – Теперь ты принадлежишь мне, Тина, и чем скорее ты поймешь это, тем лучше для тебя.

Кристина, вскочив с дивана, в ярости топнула ногой:

– Просто поверить невозможно! Как вам могло прийти в голову, что я соглашусь выйти за вас замуж после того, что вы со мной сотворили?!

– Замуж? – расхохотался Филип. – Однажды я уже предлагал тебе замужество, но больше я этого не сделаю. – Подойдя к девушке, он обнял ее. – Совсем ни к чему жениться, чтобы удержать тебя здесь! Можешь считать себя моей рабыней, но уж никак не женой.

– Никогда не стану я рабыней мужчины! Скорее покончу с собой, чем покорюсь вам! – вскрикнула Кристина, пытаясь вырваться.

– Думаешь, я позволю тебе убить себя после того, как ждал так долго? – хрипло прошептал Филип и, наклонив голову, припал к ней в страстном поцелуе, вцепившись одной рукой ей в волосы, а другой – сжимая ее запястья.

Странное ощущение вновь охватило Кристину. Неужели она наслаждается его поцелуем? Но это невозможно! Она ненавидит этого человека!

Девушка постаралась обмякнуть в его объятиях, но прежде чем ей удалось лягнуть Филипа, тот подхватил ее на руки, и в шатре вновь зазвенел его смех:

– Нет, Тина, этот трюк больше не пройдет! – Откинув тяжелые занавеси, Филип понес Кристину к кровати. Та, поняв его истинные намерения, начала сопротивляться по-настоящему, но Филип бросил ее на постель и лег рядом. Девушка била его кулачками в грудь, пока он не поднял ее руки над головой и не сжал их в огромной ладони. – Теперь, пожалуй, настало время проверить, так ли красиво твое тело, как лицо.

Развязав пояс широкого бурнуса Кристины, Филип перекинул через нее ногу, чтобы не брыкалась, и одним резким рывком разорвал ночную сорочку.

Кристина истерически вскрикнула, но ее рот мгновенно запечатали твердые губы и язык, проникший сквозь преграду зубов. Но на этот раз поцелуй был ласковым и нежным, так что голова у девушки закружилась от нахлынувших на нее неведомых чувств. Потом губы Филипа прильнули к ее шее, а свободная рука стала дерзко ласкать полные упругие груди.

Настойчиво ища ответа в глазах Кристины, Филип улыбнулся, глядя ей в лицо:

– Ты еще прекраснее, чем я воображал. Твое тело создано для любви. Я хочу тебя, Тина, – хрипло шепнул он и припал губами к розовым холмикам, целуя каждый по очереди. Кристина чувствовала, что горит как в огне.

Нужно сказать что-то, заставить его остановиться! Иначе ей с ним не справиться.

– Вы не джентльмен, мистер Кэкстон, если собираетесь принудить меня против воли, изнасиловать, – холодно сказала она, – зная к тому же, что я вас ненавижу!

Филип поднял голову, и Кристина увидела, как в его темно-зеленых глазах гаснет желание. Он отпустил ее и встал около кровати, глядя на девушку. Его рот сжался в жесткую линию, в глазах появился ледяной блеск.

– Я никогда не претендовал на звание джентльмена, но я вовсе не собираюсь тебя насиловать. Когда я буду любить тебя, все произойдет только потому, что ты сама захочешь этого так же сильно, как я. А ты захочешь меня, Тина, обещаю.

– Никогда, – прошипела она, стягивая на груди одежду, – никогда я не захочу вас! Я ненавижу вас всей душой!

– Увидим, Тина, – бросил Филип и отвернулся.

– И прекратите называть меня Тиной! – завопила она. – Это не мое имя!

Но Филипа уже не было в шатре. Кристина подвязала бурнус поясом и оглядела комнату. Но смотреть было не на что – рядом с огромной кроватью стоял единственный сундук, покрытый тяжелыми овечьими шкурами.

Скользнув под одеяло, Кристина попыталась обдумать то, что сказал Филип. Значит... значит, он не собирается ее насиловать? Если Филип – человек слова, тогда она в безопасности, поскольку твердо знает, что никогда не захочет его. С какой стати ей хотеть мужчину? Желание присуще только им, не женщинам!

Но что, если он не сдержит обещания? У нее не хватит сил остановить Филипа, если тот решит овладеть ею. Что тогда? И какого дьявола он делает в Египте? Ведет себя как туземец,

и племя, кажется, считает его своим. Кристина ничего не могла понять, и вопросы, на которые не находилось ответа, продолжали терзать ее. А при мысли о том, на что посмел пойти Филип Кэкстон, чтобы завладеть ею, девушку вновь охватило бешенство. Подумать только, пересечь океан, добраться до незнакомой страны и в первую же ночь быть похищенной безумцем! Что ж, она сделает все, чтобы как можно скорее сбежать отсюда!

Так, строя планы побега и решая, как лучше их осуществить, Кристина наконец заснула.

Глава 7

Черт возьми, Кристина, если захочет, может быть настоящей ведьмой, думал Филип. Ну ничего, ее час придет, и тогда ему доставит огромное удовольствие заставить ее признаться, что она желает его.

Хотя было уже очень поздно, Филип вышел из шатра, чтобы навестить шейха Ясира Альхамара, своего отца, зная, что старик не ложится, дожидаясь сына.

Ясир Альхамар был шейхом племени вот уже тридцать пять лет. Свою первую жену, английскую леди благородного происхождения, он похитил во время набега на караван. Она прожила с Ясиром пять лет и подарила мужу двух сыновей, Филипа и Пола. В те дни племя кочевало в пустыне, и жаркий климат и тяготы кочевой жизни быстро состарили мать Филипа. Она попросила мужа разрешить ей вернуться с детьми в Англию. Ясир очень любил жену и согласился выполнить ее просьбу. Она пообещала ему, что, когда его сыновья достигнут совершеннолетия, она позволит им вернуться в Египет, если они того захотят.

Филип вырос и получил образование в Англии. Когда ему исполнился двадцать один год, мать рассказала ему правду об отце, и молодой человек решил отыскать Ясира и жить с ним. Вскоре мать умерла, и Филип унаследовал ее поместье. Оставив усадьбу на попечение управляющего, он уехал в Египет, поскольку не хотел больше оставаться в Англии. В то время его брат все еще учился в школе.

Филип прожил с отцовским племенем одиннадцать лет, но год назад все-таки вернулся в Англию, чтобы присутствовать на свадьбе Пола. Тот уговорил старшего брата остаться еще на какое-то время, но вскоре Филип встретил Кристину Уэйкфилд и решил, что она будет принадлежать ему. Он последовал за Кристиной и Джоном на пристань и терпеливо дождался отплытия их корабля. Благодаря везению ему самому удалось получить каюту на грузовом судне. Филип покинул Англию в один день с Кристиной, но добрался до Каира неделей раньше.

По приезде он послал за Саади и Ахмадом и велел им привести своего коня Виктори в Каир. Саади и Ахмад были настоящими друзьями и к тому же приходились ему дальними родственниками. Как, впрочем, и все остальные члены племени. Кроме того, у Филипа был здесь единокровный брат на восемь лет моложе. Правда, они не очень ладили. Филип прекрасно понимал причину – ведь останься он в Англии, Рашид стал бы править племенем после смерти отца.

Ясир Альхамар сидел на овечьих шкурах, служивших ему постелью. Он все еще жил как кочевник – почти никакой мебели и очень мало удобств. Филип до сих пор вспоминал, как смеялся отец, когда он велел привезти свою кровать и мебель в лагерь.

– Значит, Абу, ты все-таки остался англичанином. Я думал, ты давно привык есть и спать на земле, – заметил тогда Ясир.

– Но я по крайней мере украл всю эту мебель, отец, – отпарировал Филип.

– Что ж, тогда для тебя еще не все потеряно, – смеясь, ответил Ясир.

Увидев Филипа, шейх сделал сыну знак войти и сесть рядом.

– Давно мы не виделись, сын мой. Мне сказали о женщине, которую ты привез в лагерь. Она принадлежит тебе?

– Будет принадлежать, отец. Впервые я увидел эту девушку в Лондоне и понял, что должен получить ее. Я устроил так, что ее брата послали сюда, и теперь она моя. Пока она сопротивляется, но понадобится много времени, чтобы покорить ее.

– Ты воистину мой сын, – расхохотался Ясир. – Украл свою женщину точно так же, как я похитил твою мать. Она тоже сначала противилась мне, но, думаю, потом полюбила, иначе не согласилась бы выйти за меня замуж. Возможно, живи мы тогда в горах, она осталась бы со

мною до конца жизни, но ей не под силу было вынести зной пустыни. Я хотел отправиться с ней, но вряд ли сумел бы выдержать существование в вашей цивилизованной Англии. Надеюсь, ты дашь мне внуков, прежде чем настанет мой смертный час.

– Увидим, отец. Завтра я приведу ее к тебе, но сейчас должен вернуться.

Отец кивнул, и Филип направился в свой шатер. Войдя, он обнаружил поднос с едой и сел ужинать, размышляя о девушке, мирно спавшей в его постели. Теперь, когда она так близка, он не выдержит долгого ожидания, слишком велика потребность овладеть Кристиной. У него так давно не было женщины, а тело Кристины сводило его с ума. Он вспоминал ее полные груди, тонкую талию и стройные гладкие бедра, длинные ноги идеальной формы, атласную кожу, а волосы... в этой гриве золотистых локонов можно утонуть.

А какие глаза! Они потемнели, как штормовое море, когда она узнала, что это он ее похитил. Филип долго ждал, предвкушая этот момент!

Он снова рассмеялся, вспомнив ее потрясенное лицо и мгновенно сменившийся изумление гнев. Что ж... может, стоит дать ей немного времени, чтобы она привыкла к своему новому дому, только не следует слишком затягивать. Подождать до завтра. Этого вполне достаточно.

Филип разделся и осторожно, чтобы не разбудить девушку, лег. Кристина свернулась в клубочек спиной к нему. Он хотел было раздеть ее, но рассудил, что тогда Кристина проснется, а он слишком устал, чтобы выдерживать очередной яростный натиск.

Филип улыбнулся, подумав о том, что будет, когда она обнаружит, что провела ночь в одной постели с ним. Но как бы там ни было, Кристина теперь здесь, рядом, хотя и против своей воли. Со временем ей придется смириться с судьбой.

Филип закрыл глаза и погрузился в сон.

Глава 8

На следующее утро Кристина Уэйкфилд проснулась с улыбкой на губах – ей приснилось, что она бежит по полю дома, в Холстеде. Сине-зеленые глаза удивленно раскрылись при виде лежащего рядом мужчины, но девушка тут же вспомнила, где она и как здесь оказалась.

Что за наглость! Подумать только!

Она никак не ожидала, что он захочет делить с ней постель! Это уже слишком, необходимо найти способ сбежать отсюда!

Стараясь не дышать, Кристина сползла с кровати и обернулась, желая проверить, не разбудила ли она похитителя. Филип Кэстон крепко спал с невинным, удовлетворенным выражением на лице. Выругав про себя негодяя, Кристина на цыпочках обошла кровать и проскользнула между тяжелыми занавесями, отделявшими одну половину шатра от другой.

Откуда-то донесся аппетитный запах еды, и Кристина вдруг осознала, что очень голодна. Вчера вечером она не ужинала. Но можно ли сейчас думать о таких пустяках? Надо уйти подальше, пока Филип не проснулся.

Откинув ткань, прикрывавшую вход, девушка осторожно выглянула наружу. Кажется, поблизости никого нет! Какая удача! Значит, сейчас или никогда.

Собравшись с духом, Кристина вышла и направилась прочь из лагеря. Миновав последний шатер, она помчалась изо всех сил, свернув с главной тропы на тот случай, если Филип станет ее преследовать. Острые камни впивались в ее босые ноги, но она не останавливаясь продолжала бежать через рощу диких маслин. Хоть бы никто не заметил, как она покидала становище. Если только удастся спуститься к подножию горы, можно как следует спрятаться в надежде, что проходящий мимо караван доставит ее к брату.

Но тут за спиной раздался конский топот, и все надежды развеялись в прах. Обернувшись, Кристина увидела Филипа верхом на великолепном арабском жеребце. Его темно-зеленые глаза казались теперь еще темнее, лицо было искажено бешеной яростью.

– Будь ты проклят! – крикнула она. – Как же ты сумел найти меня так быстро?!

– И ты еще меня проклинаешь?! Я мирно спал, и вдруг в шатер вбегает Ахмад и говорит, что видел тебя бегущей по горному склону! Что мне делать с тобой, женщина?! Привязать к кровати, чтобы ты не сбежала, пока я сплю?! Именно этого ты добиваешься?

– Не посмеешь!

– Я уже говорил тебе, Кристина, что я делаю все, что захочу! – Филип с легкостью пантеры прыгнул с коня и, зловеще хмурясь, с ледяным блеском в глазах, схватил ее за плечи и начал бесцеремонно трясти: – Мне следовало бы задать тебе хорошую трепку за эти фокусы! Именно так поступил бы со своей женщиной любой уважающий себя араб!

– Но я не твоя женщина, – разъяренно сверкнула глазами Кристина. – И никогда не буду!

– Вот тут ты не права, Кристина, поскольку была и останешься моей, пока я не устану от тебя!

– Ни за что на свете! И ты не имеешь права удерживать меня здесь! Мой Бог, неужели ты не понимаешь, как я тебя ненавижу? Ты – все, что я презираю в мужчинах! Варвар, дикарь!

– Да, по всей вероятности. Но будь я цивилизованным джентльменом, вряд ли смог бы заполучить тебя и привезти сюда, на край света. И нравится тебе это или нет, ты останешься здесь, даже если придется привязать тебя к кровати, – холодно бросил Филип и, подхватив девушку, грубо перекинул через седло.

– Но почему я должна ехать таким образом? – возмутилась Кристина.

– Надеюсь, ты не станешь обижаться на столь легкое наказание? Ты заслуживаешь гораздо худшего!

Филип вскочил на коня. И когда девушка начала сопротивляться, с силой опустил ладонь на ее ягодицы. Кристина мгновенно замерла и молча кипела от ярости, пока они возвращались обратно в лагерь.

Черти бы его унесли! Но ничего, она еще дожидется того дня, когда насладится страданиями Филипа! Почему это должно было случиться именно с ней? Кристина всегда так гордилась – гордилась своей семьей, поместьем, собственной яркой красотой и независимостью, поэтому унижение оказалось вдвойне болезненным. Какой позор – оказаться всего лишь игрушкой этого ненавистного человека! Она не заслуживает этого! И ни одна женщина не заслуживает!

Подскакав к шатру, Филип спешил и, подняв Кристину, втолкнул ее внутрь. Усевшись на диван, она молча ожидала, что будет дальше.

Филип поговорил с кем-то невидимым, вошел и сел рядом.

– Сейчас принесут завтрак. Ты голодна? – спросил он уже спокойнее.

– Нет, – солгала Кристина, но когда молодая девушка внесла блюдо с едой, не в силах совладать с собой, начала жадно есть. Филип насытился раньше нее и лениво откинулся на диван. Она почувствовала, как он, собрав ее волосы на затылке, нежно играет ими. Кристина, перестав есть, повернулась и встретилась со взглядом улыбающихся зеленых глаз.

– Не хочешь ли искупаться, милая? – спросил Филип, перебирая золотистые локоны. Кристина не смогла устоять перед искушением.

Дождавшись, когда она отодвинет блюдо, Филип вышел и скоро вернулся с юбкой, блузкой, туфельками и чем-то вроде огромного полотенца. Ей хотелось узнать, кому принадлежат все эти вещи, но стоило ли спрашивать?

Филип повел Кристину через лагерь. Молодая женщина, почти ровесница Кристины, играла с ребенком перед шатром, стоявшим слева от жилища Филипа. Козы и овцы паслись на склонах гор, а в загоне оказалось десять или двенадцать великолепных арабских коней, лучших из тех, каких Кристина когда-либо видела, и среди них – два жеребенка. Кристине хотелось остановиться и получше рассмотреть лошадей, но Филип потянул ее за собой на вьющуюся по горе тропинку. Девушка попыталась вырваться.

– Куда вы тащите меня? – допытывалась она. Но Филип снова вцепился в ее руку и продолжал путь.

– Ты ведь хотела искупаться, не так ли? – осведомился он, когда они оказались на маленькой поляне, окруженной высокими кустами можжевельника. Посреди блеснул водной гладью пруд, явно образовавшийся в результате весенних дождей. Место было прекрасным, но Кристина не могла понять, почему Филип привел ее именно сюда.

Взяв у нее одежду, Филип вручил ей кусок душистого мыла.

– Вы, кажется, ожидаете, что я стану купаться здесь? – высокомерно бросила она.

– Послушай, Тина, ты больше не в Англии, где можешь когда угодно приказать принести в комнату горячей воды. Теперь тебе придется жить здесь, и если ты хочешь смыть с себя грязь, то будешь поступать так же, как все остальные.

– Хорошо. Нужно же вымыться после этого ужасного путешествия. Если по-другому нельзя, значит, будь что будет. Вы можете идти, мистер Кэкстон.

– Нет, миледи, – широко улыбнулся Филип, – не надейтесь.

Усевшись на бревно, он лениво скрестил ноги. Кристина заметила, что желтые искорки в его глазах стали на солнечном свету еще ярче. Краска медленно разлилась по ее лицу.

– Но вы не можете остаться здесь, и... – Она замолчала, не в силах договорить. – ...И следить за мной!

– Именно это я и намереваюсь сделать. Так что не стесняйся, продолжай раздеваться. – Он пристально уставился на нее. На его губах играла насмешливая улыбка. Кровь девушки вскипела.

– Но повернитесь хотя бы спиной!

– Ах, Тина! Придется тебе понять, что ты не сумеешь помешать мне любоваться твоим обнаженным телом, хотя я еще и не овладел им!

Кристина испепелила Филипа яростным взглядом. Этот человек, кажется, желает лишить ее последних остатков достоинства!

– Ненавижу! – прошипела она и, отвернувшись, развязала пояс. Свободное широкое одеяние и порванная ночная сорочка упали к ногам. Кристина переступила через одежду и начала входить в воду глубже и глубже, пока она не закрыла груди.

Она не доставит ему удовольствия глазеть на нее! Стоя спиной к Филипу, Кристина вымылась в восхитительно прохладной воде, окунулась, чтобы смочить волосы, но ушло довольно много времени, прежде чем ей удалось вспенить мыло, чтобы как следует промыть их. Наконец она выпрямилась и сразу же услышала громкий всплеск.

Кристина поспешно обернулась, но Филипа нигде не было видно. Неожиданно он оказался перед ней, и девушка вновь покраснела, остро сознавая, что они оба совершенно обнажены под прохладным покровом воды. Филип стряхнул с густых волос прозрачные капли и потянулся к Кристине, но она, готовая отразить нападение, швырнула в него мылом и быстро отплыла. За спиной послышался громкий смех, и Кристина оглянулась, боясь, что Филип последует за ней, но тот сосредоточенно намыливался.

На лице Кристины отразилось облегчение. Хорошенько промыв волосы, она вышла из воды, вытерлась насухо, и, обмотав полотенцем голову, завернулась в длинную темно-коричневую юбку, завязала ее узлом на талии и накинула длинную темно-зеленую блузу без рукавов, с круглым глубоким вырезом. Грубая хлопчатобумажная ткань раздражала кожу, но приходилось довольствоваться тем, что есть.

Кристина уселась и попыталась пальцами расчесать спутавшиеся пряди. За спиной послышались шаги.

– Чувствуешь себя получше, дорогая? – вкрадчиво спросил Филип. Кристина не стала отвечать и даже смотреть на него и принялась заплетать косы, пока Филип одевался. Однако долго молчать она не смогла – любопытство оказалось сильнее, чем нежелание разговаривать с ним.

– Филип, что вы делаете в этой стране и почему эти люди так хорошо вас знают?

Звонкий смех раскатился по поляне:

– Я все гадал, когда ты начнешь задавать вопросы. Это племя моего отца.

– Отца?! – ошеломленно пролепетала Кристина. – Но вы же англичанин!

– Только наполовину. Мать была англичанкой, а отец – арабом, и это его племя.

– Наполовину араб?! – недоверчиво переспросила Кристина.

– Да, и отец похитил мою мать точно так же, как я – тебя. Позже он позволил ей вернуться домой со мной и братом. Поэтому до совершеннолетия я рос в Англии, но потом предпочел вернуться сюда и жить с отцом.

– Ваш отец здесь?

– Да, и позже ты с ним встретишься.

– Но ему наверняка не понравится, что вы привезли меня сюда... украли... – пробормотала девушка, надеясь, что отец Филипа поможет ей.

– Я пока еще ничего с тобой не сделал, но ты не права: отец все знает и одобряет, – улыбаясь, возразил Филип. – Ты забываешь, Тина, это не Англия. Арабы привыкли брать сами все, что хотят. А я сделал все, чтобы ты мне досталась. Поймешь лучше после того, как немного поживешь здесь.

Он проводил ее в шатер и оставил одну.

Сможет ли она когда-нибудь понять Филипа Кэкстона?

Кристина оглядела шатер, не зная, чем заняться.

Внезапно она почувствовала себя ужасно одинокой, и это раздражало! Девушка не задумываясь выбежала из шатра как раз вовремя, чтобы увидеть Филипа, садившегося в седло и окруженного четырьмя всадниками. Подскочив к нему, Кристина вцепилась в его ногу.

– Куда вы едете? – требовательно спросила она.

– Скоро вернусь.

– Но что прикажете делать мне, пока вас не будет?

– Бессмысленный вопрос, Кристина! Занимайся тем, что обычно делают женщины, когда остаются одни.

– Ну конечно, мистер Кэкстон, – дерзко бросила Кристина. – Как же я сама не догадалась? Можно воспользоваться вашей комнатой для шитья, хотя вряд ли это необходимо – я привыкла к поношенным платьям. Или позаботиться о вашей корреспонденции. Уверена, вы настолько заняты, что не сможете найти время сделать это. Но если предпочитаете сами отвечать на письма, я, пожалуй, отдохну в вашей библиотеке, среди множества томов. Уверена, что найду там что-нибудь интересное почитать. Кажется, вы забыли, что, кроме тела, у меня есть еще и ум, мистер Кэкстон!

– Сарказм тебе не к лицу, Кристина! – раздраженно перебил Филип.

– Конечно, вам лучше знать, что мне идет, а что – нет, – отпаривала девушка.

– Кристина, я больше не потерплю подобных тирад! В шатре можешь вести себя как заблагорассудится, но на людях ты должна выказывать мне уважение! – ответил он. Его щека зловеще дернулась, взгляд горел гневным пламенем.

– Уважение?!

Кристина, немного развеселившись, слегка отстранилась, чтобы взглянуть на Филипа.

– Вы требуете уважения после того, как обошлись со мной подобным образом?

– В этой стране женщину, не выказывающую мужу подобающего почтения, обычно бьют.

– Но вы не мой муж, – заметила Кристина.

– Нет, но все равно что муж. Я твой хозяин, и ты принадлежишь мне. Если желаешь, чтобы я нашел хлыст и обнажил твою спину на людях, буду счастлив угодить. В противном случае можешь возвращаться в шатер.

Он так холодно произнес это, что Кристина не стала дожидаться, пока Филип исполнит свою угрозу, и, ринувшись обратно в шатер, упала на постель и отчаянно зарыдала. Неужели теперь придется опасаться не только изнасилования, но и побоев? Этот дьявол желает уважения после всего, что сделал с ней! Но будь она проклята, если выкажет ему что-либо иное, кроме ненависти и презрения!

И как ни было противно испытывать жалость к себе, что же еще оставалось после того, как Филип уехал? Да, кстати, чем можно заняться, когда он будет рядом?

Кристина плакала долго, пока наконец не уснула.

Разбудил ее грубый шлепок. Девушка быстро повернулась и увидела подбоченившегося Филипа, стоявшего рядом с кроватью. На его губах играла издевательская улыбка.

– Ты слишком много времени проводишь в этой постели, милая. Хочешь, покажу тебе другой способ использовать ее?

Кристина мгновенно очутилась на полу. Теперь она лучше понимала его бесстыдные намеки.

– Совершенно уверена, что могу обойтись без подобных знаний, мистер Кэкстон, – вызывающе бросила она, подняв подбородок и чувствуя себя в безопасности за широкой кроватью.

– Вот увидишь, ты скоро научишься. И я предпочел бы, чтобы ты называла меня Филипом или Абу, как меня зовут здесь. Думаю, настало время отбросить все церемонии.

– Ну а я предпочитаю церемонии, мистер Кэкстон. По крайней мере ваши люди поймут, что я здесь не добровольно, – дерзко бросила Кристина. Но Филип лишь коварно усмехнулся:

– О, они и так все знают, не говоря уже о том, что такого человека, как я, нельзя заставлять ждать. Они предполагают, что ты лишилась девственности уже прошлой ночью. Но возможно, к вечеру так и будет.

Широко раскрытые глаза Кристины потемнели.

– Но вы... вы обещали! Дали слово, что не принудите меня! Неужели у вас совершенно нет совести?

– Я всегда держу слово, Тина. И мне не придется насиловать тебя. Как уже было сказано, ты захочешь меня так же сильно, как я – тебя.

– Да вы, должно быть, просто безумны! Я никогда не захочу вас! Этого просто не может быть, ведь вы мне омерзительны, – взорвалась девушка. – Вы увезли меня от брата, лишили всего, что мне дорого! Держите меня здесь пленницей и, когда уезжаете, ставите у двери стражу! Ненавижу, ненавижу вас!

Кристина выбежала из комнаты, осыпая его про себя всеми мыслимыми ругательствами, всеми ужасными словами, которые только могла вспомнить, но внезапно, заметив две стопки книг и не менее дюжины отрезков тканей, лежавших на диване, забыла о гневе и подбежала ближе, чтобы все рассмотреть.

Тут были шелка, атлас, бархат и парча, переливающиеся всеми цветами радуги, и даже полупрозрачный батист, из которого можно было сшить сорочки. Перед ней лежали разноцветные нитки, ножницы, изысканная тесьма, кружева и все, что могло понадобиться для шитья модных изящных платьев.

Кристина обратилась к книгам, перебирая их по одной: Шекспир, Дефо, Гомер...

Некоторые она читала раньше, а об остальных авторах даже не слышала. Рядом с книгами она увидела набор гребней и щеток из слоновой кости с великолепной резьбой. Кристина пришла в восторг. Она чувствовала себя ребенком, получившим множество прекрасных подарков на день рождения, подарков, которых хватит на целый год, до следующего праздника.

Филип стоял сзади, наблюдая за тем, как она радуется его сюрпризу. Она обернулась, и теперь глаза, только что зловеще-темные, вновь стали голубовато-зелеными озерами, окруженными более темными, почти синими, ободками.

– Это все для меня? – нерешительно спросила она, проводя рукой по отрезку мягкого синего бархата в тон ее глазам.

– Предназначалось для тебя, но не знаю, стоит ли отдавать после того, как ты вела себя подобным образом.

По лицу Филипа нельзя было понять, шутит он или нет, и Кристину охватило отчаяние.

– Пожалуйста, Филип! Я умру, если мне будет нечем заняться!

– Может, ты сумела бы отблагодарить меня, – хрипловато пробормотал он.

– Вы же знаете, я никогда не решусь ни на что подобное. Зачем вы меня так мучаете?

– Ты слишком поспешно судишь, дорогая. Я имел в виду всего-навсего поцелуй, обыкновенный поцелуй, в который будет вложена лишь капелька чувства.

Кристина еще раз оглядела гору подарков. Что может измениться от поцелуя? Какое он имеет значение? И кому может повредить, если при этом она получит то, чего хочет?

Кристина подошла к Филипу, закрыла глаза и стала ждать, но он не сделал попытки обнять ее, и ее густые ресницы медленно поднялись. Филип едва заметно улыбнулся.

– Я просил поцеловать меня, дорогая, – напомнил он. – И вложить в поцелуй немного чувства.

Немного поколебавшись, Кристина обхватила его за шею и притянула его лицо к своему, приоткрыв губы. Поцелуй был сначала нежным, но его язык внезапно проник глубоко в ее рот, и в животе Кристины словно затрепетали мириады бабочек. На этот раз она не противилась странному чувству, и руки Филипа безжалостно сжали ее, притиснув к мускулистой груди.

Девушка почувствовала твердость его мужской плоти, когда губы Филипа проложили огненную дорожку по ее шее.

Он поднял ее и понес в спальню. Кристина начала вырываться.

– Вы просили всего лишь о поцелуе! Отпустите меня! – умоляюще прошептала она.

– Черт возьми, женщина! Придет время, когда ты с радостью пойдешь со мной, обещаю!

Он поставил ее на ноги и вышел. Губы Кристины растянулись в улыбке при мысли о том, что она вновь выиграла поединок. Но сколько еще остается до тех пор, пока удача ей изменит? Поцелуй Филипа пробудил в ней какие-то неведомые ощущения, и теперь она чувствовала в душе странную пустоту, словно чего-то Кристине недоставало, хотя она не знала, чего именно.

Через несколько минут Филип вновь появился в шатре в сопровождении девушки, принесшей поднос с ужином. Не успела она выйти, как Филип резко бросил:

– Сейчас мы поедем, а потом я отведу тебя к отцу... Он нас ждет.

Они молча ели, но Кристина слишком нервничала, чтобы заметить, что жует. Она немного боялась встречи с отцом Филипа. Если тот хоть немного похож на сына, значит, ее опасения вполне обоснованны!

– Нельзя ли отложить встречу на несколько дней, пока я не сошью себе более приличное платье? – спросила она наконец.

– Мой отец прожил здесь всю жизнь, – нахмурился Филип. – И не привык к модным нарядам. Вполне сойдет тот, что сейчас на тебе.

– Но чью одежду я ношу? Она принадлежала твоей последней любовнице? – брезгливо осведомилась Кристина.

– У тебя слишком острый язык, Тина. Это вещи Эмины, женщины, которая приносит нам еду. Эмина – жена Саида, моего дальнего родственника.

Кристина пристыженно замолчала, хотя не собиралась признаваться, что ей стыдно за свои слова.

– Пойдем? Отцу не терпится с тобой познакомиться.

Филип взял Кристину за руку и повел в шатер поменьше, расположенный справа от его собственного.

На полу, в самом центре, сидел старик.

– Входите, дети мои. Я вас ждал.

Старик жестом велел Кристине подойти. Филип потянул ее за собой и, устроившись на овечьей шкуре напротив отца, заставил опуститься рядом.

– Познакомься с Кристиной Уэйкфилд, отец. Кристина, это мой отец, шейх Ясир Альхамар.

– Перестань называть меня шейхом, Абу. Теперь шейх – ты, – с укором сказал Ясир.

– Я всегда буду считать тебя шейхом, отец. Не проси, ничто не заставит меня обращаться к тебе без должного уважения.

– Но какое это имеет значение между отцом и сыном? Значит, это и есть женщина, без которой ты не можешь жить? Смотреть на тебя – истинное наслаждение, Кристина Уэйкфилд. Надеюсь, ты подаришь мне много красивых внуков, прежде чем я навек закрою глаза.

Кристина, очень мило покраснев, пролепетала, заикаясь:

– Внуки? Но... я...

– Немедленно замолчи, – резко оборвал Филип и грозно уставился на Кристину.

– Не стоит кричать, Абу. Вижу, ты еще не успел приручить Кристину. Твоя мать была такой же, когда я впервые привез ее к нам. Только я не был таким добрым, и пришлось даже как-то побить ее.

Кристина в ужасе охнула, но Ясир лишь понимающе улыбнулся:

– Тебя поражает это, Кристина Уэйкфилд? Что ж, поверь, мне тоже было не по себе, особенно после того, как все произошло. Ты должна понять, что я был сильно пьян и был

охвачен слепой яростью, поскольку она открыто принимала знаки внимания от других мужчин. Потом она призналась, что делала это нарочно, желая возбудить во мне ревность и заставить жениться. Больше я в жизни не поднял на нее руки, и мы на следующий же день отпраздновали свадьбу. Я прожил с матерью Филипа пять прекрасных лет, и она подарила мне двух сыновей, Абу и Абина. Но она не смогла вынести жары и жизни в пустыне, и когда попросила отпустить ее, я не смел отказать. По сей день я скорблю о ее смерти и всегда буду скорбить.

В темно-карих глазах араба застыла печаль, словно он вновь вспоминал минувшее счастье. Ясир лишь кивнул, не глядя на молодых людей, когда Филип пообещал, что они вскоре придут опять.

Кристина почувствовала жалость к старику, прожившему всего пять лет с той, которую любил, но, вернувшись в шатер Филипа, объявила, гневно сверкая глазами:

– Никаких внуков я ему не дам!

– Что?! – рассмеялся Филип. – Это всего-навсего мечта старого человека. Я вовсе не собираюсь иметь от тебя детей. Не для этого привез тебя сюда.

– Тогда зачем вы привезли меня? – негодуя взвизгнула Кристина.

– Я уже объяснял, Тина. Ты здесь для моего удовольствия. И потому что я хочу тебя, – просто ответил Филип и потянулся к ней, но Кристина быстро отпрянула; гнев мгновенно сменился страхом.

– Куда положить все эти ткани? – поспешно спросила она, чтобы отвлечь его.

– Посмотрим, не смогу ли я отыскать для тебя завтра сундук. Пока можешь оставить все как есть. Пойдем, пора ложиться, – бросил Филип и, не дожидаясь ответа, повернулся, чтобы направиться в спальню.

– Еще слишком рано, и я совсем не устала, а кроме того, не собираюсь спать в одной кровати с вами. Вы не имеете права заставлять меня!

Кристина уселась и начала расплетать косы. Филип в два шага оказался рядом с диваном и подхватил ее на руки.

– Я не сказал, что мы будем спать, милая, – лукаво хмыкнул он.

– Нет! Немедленно оставьте меня в покое!

Но Филип, улыбаясь Кристине, отнес ее в спальню и бросил на кровать.

– Я уже сказал, что ты подаришь мне наслаждение. Сними одежду, Тина.

– Я не сделаю ничего подобного! – негодуя заявила Кристина и попыталась вскочить с кровати, но попытка оказалась бесплодной – Филип быстро оттащил девушку в самую середину и оседлал коленями ее бедра. Сжав сильными пальцами ее запястья, он свободной рукой стянул с нее блузу, хотя девушка сопротивлялась изо всех сил. Потом развязал юбку и сорвал ее с Кристины.

– Вы не смеете! Не позволю! – вскрикнула она, отчаянно пытаясь оттолкнуть его. Но Филип лишь искренне рассмеялся:

– Когда ты усвоишь, малышка, что здесь хозяин – я? И поступаю так, как угодно мне!

Глядя в темно-синие глаза, Филип заметил искорки страха, но остановиться не пожелал.

– Черт возьми, Тина, я поклялся, что не изнасилую тебя, но не обещал, что не буду целовать и касаться твоего тела. А сейчас лежи смиренно! – резко приказал он и впился губами в нежные губы.

Филип целовал ее долго, жестко, беспощадно. Кристина никак не могла понять, какие чувства будят в ней его ласки. Неужели она действительно наслаждается его поцелуями? Грудь, живот, шею, все тело покалывало, нестерпимый жар охватил ее, и напряжение с каждой минутой нарастало.

Но в этот момент Филип отпустил ее, встал около кровати и, лаская ее нежным взглядом темно-зеленых глаз, начал медленно снимать одежду, бросая ее на пол. Глаза Кристины широко раскрылись при виде его ничем не прикрытого желания. Страх снова захлестнул ее, и

девушка спрыгнула с постели, в последний раз пытаясь убежать. Но Филип успел схватить ее за длинную косу и насильно притянул к себе.

– Тебе нечего бояться, Тина, – шепнул он, вновь толкнув ее на постель.

Огненно-горячие губы обожгли ее лицо и шею, но когда сомкнулись на тугом соске, Кристина опять начала вырываться. Филип сжал ее руки одной своей и закинул их ей за голову.

– Не противься, Тина. Успокойся и наслаждайся тем, что я делаю с тобой, – выдохнул он и, продолжая целовать ее набухшие груди, положил ладонь на бедро Кристины, а когда передвинул руку к золотистому треугольнику волос внизу ее живота, девушка, застонав, умоляющим голосом попросила Филипа остановиться.

– Я только начал, Тина, – пробормотал он, раздвигая ее ноги коленом. Кристина потеряла голову, когда дерзкие пальцы начали ласкать закрытые створки розовой раковины, и снова тихо застонала, но Филип накрыл ее рот губами, вбирая тихие чувственные звуки. Теперь она уже не понимала, хочет ли, чтобы он оставил ее. Нет... нет... она желала знать, чем кончится это странное, ошеломительное возбуждение, этот неотвязный трепет внутри.

Филип отпустил руки Кристины, лег на нее и, сжав ее голову в огромных ладонях, жадно поцеловал. Она чувствовала, как упирается в живот твердая плоть, но больше это ее не тревожило. Мысли лихорадочно металась, и хотя разумом Кристина сознавала, что необходимо уговорить его остановиться, тело требовало совсем иного. Кристина понимала, что Филип оказался прав. Боже, как она ненавидела свое предательское тело... и как желала этого человека!

Она почувствовала, что Филип начал медленно входить в нее, но тут же замер, глядя ей в глаза.

– Я хочу тебя, Тина. Ты моя, и я овладею тобой, чего бы это ни стоило. Попросишь, чтобы я остановился? Желаеть, чтобы отпустил тебя? – Он торжествующе улыбался, зная, что победил: – Прикажи мне, Тина, прикажи не останавливаться!

Кристина ненавидела Филипа, но он не мог оставить ее сейчас! Она обвила руками его шею и выдохнула:

– Не останавливайся.

И тут же ощутила жгучую боль. Одним сильным рывком он вонзился в нее, казалось, разрывая ее на части. Но его губы заглушили отчаянные крики, хотя ногти Кристины судорожно вонзились в его спину.

– Сожалею, Тина, но этого нельзя было избежать. Обещаю, тебе никогда больше не будет больно.

Он снова оказался прав. Кристина больше не страдала, и по мере того как он все глубже входил в нее, убыстряя толчки, ее наслаждение росло. Кристина самозабвенно отдавалась, встречая на полпути каждое его движение. Он унес ее с собой далеко-далеко, пока глаза девушки не открылись от изумления и они не слились в объятиях, став единым целым.

Филип подарил ей блаженство, о существовании которого Кристина даже не подозревала. Но теперь, когда она, измученная, лежала под ним, наступило отрезвление, а вместе с отрезвлением вернулась ненависть, еще более острая. Кристина проклинала себя за постыдную слабость. Она сказала, что никогда не отдастся ему по доброй воле, но малодушно уступила и не могла простить себя за это.

Подняв веки, она заметила, что Филип смотрит на нее с непроницаемым выражением в глазах. Его лицо тоже было совершенно бесстрастным.

– Я никогда не откажусь от тебя, Тина. Ты будешь принадлежать мне, и только мне, – тихо пробормотал он наконец и лег рядом, но тут же притянул ее к себе, пока голова девушки не оказалась у него на плече. – И предупреждаю: если когда-нибудь ты попытаешься снова сбежать от меня, обязательно найду и спущу кожу с твоей прелестной спинки. Даю тебе в этом слово.

Кристина ничего не ответила. Вскоре она услышала глубокое ровное дыхание и поняла, что Филип уснул. Осторожно отодвинувшись, она соскользнула с кровати и, накинув бурнус Филипа, вышла из шатра. Огонь посреди лагеря по-прежнему горел ярко, отбрасывая пляшущие тени, словно дразнившие девушку повсюду, куда бы она ни глянула, но вокруг не было ни одной живой души. Кристина пошла в направлении, показанном утром Филипом, и вскоре добралась до поляны. Сбросив одежду, она шагнула в теплую воду.

Ей удалось уйти незамеченной довольно далеко. На мгновение Кристина подумала, не стоит ли попытаться украсть из загона лошадь и уехать подальше, пока Филип спит. Но удача изменила ей, и девушка была уверена, что кто-нибудь обязательно заметит, как она уехала. Ей вовсе не хотелось узнавать, сдержит ли Филип слово и пустит ли в ход хлыст. Поэтому Кристина выбросила из головы мятежные мысли и, плеснув на себя водой, постаралась смыть с тела его запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.